
ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ. 1743 год

Новые возвращения ссыльных. - Деятельность Сената. - Донесение прокуроров о беспорядках в разных учреждениях. - Подрядчики в Сенате. - Финансы. - Комиссия о воровском клейме. - Меры относительно торговли и промышленности. - Крестьяне. - Восстание мордвы. - Меры относительно новокрещеных инородцев. - Раскольники. - Столкновение Сената с Синодом. - Меры относительно религиозного образования. - Намерение удалить церкви иностранных исповеданий с Невского проспекта в Петербурге. - Приготовления к путешествию императрицы в Москву и Киев. - Дела внешние. - Конгресс и мир в Або. - Последующие отношения России к Швеции. - Сношения с Францией. - Лопухинское дело. - Сношения с Австриею и Англиею. - Интриги в Петербурге.

В самом начале царствования Елисаветы возвращали из ссылки и восстанавливали в прежнем значении недавних опальных, о которых память была свежа и которые могли иметь усердных напоминателей. Только в начале 1743 года вспомнили о верном слуге Петра и Екатерины: Антон Девьер, "который безвинно страдал", пожалован был прежним чином генерал-лейтенанта, графским достоинством и орденом Александра Невского. Семеновского полка прапорщик Алексей Шубин, сосланный, как утверждали, императрицею Анною за связь его с Елисаветою, был пожалован в Семеновский же полк премьер-майором, и притом генерал-майором за то, что "безвинно претерпел многие лета в ссылке в жестоком заключении".

Неизвестно, по какому поводу в самом начале года Сенату было запрещено начинать дела по предложениям, письменным или словесным, без письменного указа за рукою императрицы. Елисавета в продолжение года четыре раза присутствовала в Сенате, занятия которого в этом году увеличились донесениями прокуроров о беспорядках, происходивших по разным учреждениям. Так, генерал-прокурор предложил донесение прокурора Берг-коллегии Василья Суворова, что в конце прошлого, 1742 года президент этой коллегии, приехав в присутствие и не собрав членов, один сочинил и подписал определение о свободе из-под караула на поруки заводчика Белова; это определение после вице-президент, один советник и два асессора закрепили, но два другие советника и один ассессор подали особое мнение, что Белова освободить нельзя. Тут дело кончилось, но через месяц с чем-нибудь явилось определение за руками президента, вице-президента и асессоров, чтоб представить об освобождении Белова в Сенат, тогда как остальные члены коллегии не имели никакого понятия, когда этот приговор сочинен и подписан, секретарской руки на нем не было, и

потому полагали, что он сочинен и подписан вне коллегии. Прокурор словесно и письменно протестовал против такою ведения дела; но его не послушали, возвратили ему его протест назад и послали в Сенат донесение об освобождении Белова.

Сенат приказал: впредь Берг-коллегии поступать порядочно, а не так, как оная ныне учинила, а против прокурорского доношения, что протокол явился сочинен вне коллегии, взяв от коллегии ответ, исследовать. В Коммерц-коллегии определено было для осмотра поташных заводов отправить ассессора Красовского, а потом в журнале записано, чтоб для этого отправить из Нижегородской губернии офицера, а прежнее определение о Красовском отменить. Прокурор остановил новое решение, требуя исполнения старого, коллегия не согласилась, и Сенат высказался в пользу прокурора. Архангельской губернии прокурор донес, что секретари ходят в канцелярию всякий по своей воле, отчего колодников держат очень долго, а челобитчикам напрасная волокита и разорение; кроме того, вследствие нехождения секретаря доимка осталась без взыскания, и когда прокурор стал взыскивать на секретаре, то тот отвечал очень неучтиво: "А от губернатора в том ему никакого сокращения не учинено". Прокурор коллегии Экономии доносил, что члены в заседании все никогда не бывают, а которые и бывают, что один без другого хотя бы и неважных дел не слушают, отчего дела тянутся долго. Архангельский губернский прокурор доносил, что в Архангельске и Вологде в правлении полицейской должности не только великое упущение или слабое смотрение, но вовсе надлежащая полицейская должность оставлена, от полиции остается одно название, а исправления никакого нет. В апреле генерал-прокурор предлагал Сенату: усмотрено, что обретающиеся в Москве президенты и члены в коллегии, канцелярии и приказы приезжают очень поздно, не ранее девятого часа пополуночи, и потому дел решается очень мало: приказали подтвердить накрепко, чтоб приезжали и уезжали в указанные часы. Но это подтверждение не действовало: ноября 1 генерал-прокурор предложил, что сегодня в исходе седьмого часа пополуночи посылал он по коллегиям, канцеляриям и конторам осмотреть, присутствующие имеют ли заседание по регламенту, но посланные не нашли не только никого из судей, но и секретарей; кроме Военной коллегии и губернской канцелярии, никого нигде не было. Опять посланы указы, чтоб съезжались по генеральному регламенту, в противном случае будут платить штраф. О беспорядках в разных коллегиях доносили прокуроры; но Главный комиссариат сам известил Сенат о своем странном распоряжении: без следствия и не требуя указа от Сената он послал указ в Белгородскую губернию об отрешении от должности севского воеводы. Начальник комиссариата должен был за это просить прощения у Сената.

Любопытную черту из деятельности Сената описываемого года составляют переговоры его с подрядчиками на кронштадтские работы. 3 июня допущены были в собрание Сената каменного дела подрядчики; сенаторы долго уговаривали их взять кладку каменных стен канала и теску плит с

платою посаженно, но подрядчики не соглашались, говоря, что на такую посаженную работу каменщики нейдут и они их набрать не могут, а ежемесячно возьмут за шесть рублей на человека, и когда в дело вступят, то, рассмотрев обстоятельно работы, через месяц надеются взять и посаженно. Сенат находился в большом затруднении, потому что именным указом запрещено было при этой работе нанимать каменщиков за ежемесячную или поденную плату, кроме необходимых мест. Однако делать нечего, видя упорство подрядчиков, Сенат решил нанять их ежемесячно, с тем чтоб через месяц по рассмотрении тех работ нанялись посаженно и поштучно, к чему определенные к работам офицеры должны их прилежно склонять. Сенаторы опять принялись уговаривать подрядчиков, чтоб ежемесячно просили цену настоящую, представляли, что им при этом строении никаких притеснений, обид и удержки заработанных денег не будет; если же хотя малая от кого-нибудь будет обида, то позволяется им приходиться прямо в Сенат с жалобой. Но подрядчики меньше шести рублей на человека в месяц не взяли, представляя, что они не надеются нанять каменщиков за меньшую цену и боятся такой же беды, как до сих пор два подрядчика за непоставку по договору каменщиков лет девять держатся под караулом в конторе кронштадтских строений. Тогда сенаторы объявили им последнюю цену - по 5 рублей на месяц, причем объявлен им высочайший указ, что, кроме Кронштадта, каменщики другой работы в Петербурге не сыщут нигде. С этим подрядчики были отпущены; а в контору кронштадтских строений послан указ: велено прислать в Сенат ведомость, какие именно два подрядчика, в каком деле содержатся и почему так долго не выпущены. 6 июня подрядчики опять явились в Сенат и объявили, что из шести рублей более 10 копеек им уступить нельзя, потом сбавили еще 5 копеек. Сенат доложил императрице; но до 21 числа высочайшей резолюции на этот доклад не последовало, и потому Сенат приказал Адмиралтейской коллегии иметь крайнейшее старание в приискании других каменщиков и плотников. Муку в казну покупали куль в 9 пудов по 2 рубля; крупу четверть в 8 пудов по 2 рубля 80 копеек. Сенат уговаривал купцов, 19 человек, уступить, но не уступили, потому что уплата должна была производиться в следующем, 1744 году.

Работы становились дороги, а финансовая машина по-прежнему шла медленно. Президент штатс-конторы внес в Сенат доклад, что контора на разные нужнейшие расходы должна отпустить большие суммы денег, но ей должна коллегия Экономии 141024 рубля да Сибирский приказ 105562 рубля и по неоднократным указам из Сената до сих пор ничего не платят, объявляя разные отговорки. Доимки но выплачивались; угрозы губернаторам и воеводам не помогали; принялись за Камер-коллегию: ей предписано, чтоб она сама, не складывая на губернаторов и воевод, старалась о взыскании доимок и бездоимочном сборе настоящих доходов, в противном случае штраф будет наложен на ее членов и секретарей. Сенат узнал, что губернаторы, воеводы и приказные люди берут даром казенные питья из кабаков, а из таможен - дрова и свечи; последовало запрещение. Один немец предложил завести клейменные карты, брать с них пошлину по

15 копеек с игры и клейменные отдавать на откуп, но Сенат отверг предложение, потому что указами Петра Великого и Анны Иоанновны игра в карты на деньги была запрещена.

Возобновили, как было при Петре, Берг - и Мануфактур-коллегии; естественно было возобновить Главный магистрат, учрежденный преобразователем для "собрания рассыпанной храмины", и в мае описываемого года Главный магистрат восстановлен; обер-президентом его был назначен князь Василий Хованский. Новый год начался учреждением следственной комиссии о воровском клейме. Комиссия усмотрела, что многие из приличившихся по тому делу иностранных купцов ввозимые в Россию из-за моря товары клеймили поддельными клеймами, также из пакгауза многие товары по согласию с таможенными служителями воровски вывозили и вместо них ввозили другие, недорогие товары. Купцы повинились, и всех их освободили, с тем чтоб они сумму утаенных пошлин, в какой сами признались, именно 21000 рублей, заплатили вдвое в одну неделю. Преступление было прощено, лишь бы поскорее дали денег. Так и в другой раз, когда дело пошло о скорейшей выручке денег, то отступили от правила возвращаться к постановлениям Петра Великого и оставили в силе указ Анны Леопольдовны. Петр Великий оставил казенными товарами только поташ и смольчуг, а прочие товары "уволил в народ"; но в правление Анны Леопольдовны смолу сделали опять казенным товаром. Теперь на основании указа о восстановлении распоряжений Петра Великого хотели было и смоляной торг уволить в народ; но соблазнились, рассчитавши прибыль от казенного торга, и оставили смолу за казною. Только там, где дело шло о религиозном интересе, Елисавету нельзя было соблазнить никакою выгодою. Сенат подал доклад, что от прошлогоднего указа о недопущении жидов в империю торговля как в Малороссии, так и в Остзейских областях потерпела большой ущерб, а вместе с тем потерпит и казна от уменьшения пошлин. Императрица написала такую резолюцию: "От врагов Христовых не желаю интересной прибыли". Остались верны правилу Петра Великого развивать торговлю распространением просвещения, здравых понятий о торговле между купцами. Коммерц-коллегии президент объявил Сенату, что коллегия поручила секретарю Академии наук Волчкову перевести экстракт из Савариева лексикона о коммерции с французского на русский язык, которого несколько уже и переведено, а остальное Волчков обещается перевести, только требует за такое многотрудное дело 500 рублей; коллегия представляет, не угодно ли будет во славу императора Петра Великого и для пользы русскому купечеству в будущем эту книгу перевести и означенные деньги выдать, ибо от перевода ее может произойти только государственная прибыль и слава России. Приказали: означенный экстракт со всякою исправностью секретарю Волчкову перевести, и ему пятьсот рублей, ежели меньше не возьмет, выдать.

Для увеличения доходов сочли нужным устроить особое управление казенными рыбными промыслами на Нижней Волге и Яике: главным

командиром астраханской рыбной конторы назначен был вице-президент Раевский, в его команде были начальники саратовской и гурьевской рыбных контор; товарищем главного командира в Астрахани назначен московский купец Мыльников на пять лет до будущего усмотрения; для размножения промыслом назначено было 55000 рублей, а Мыльников обязался, что казна будет получать ежегодно прибыли не меньше 50000 рублей. На юго-востоке правительство занималось устройством прибыльных рыбных промыслов; на Северном океане частные люди ходили промыслять на отдаленный Шпицберген, подвергаясь страшным опасностям. В описываемом году доставлены были в Петербург из Любека от русского резидента 12 человек крестьян Мезенского уезда, которые для моржового промысла были на "окиане острове Груманте", где их судно великим волнением разломало надвое и потопило, а они спаслись на "щерботе" и взяты на голландский корабль, на котором привезены были в Амстердам к русскому резиденту, а оттуда в Гамбург и Любек. Адмиралтейская коллегия выдала им паспорта для возвращения на родину и на дорогу наделила сухарями для их бедности.

Относительно некоторых отраслей промышленности приходили к печальному убеждению, что передача казенных заводов в частные руки повредила производству.

В июне императрица дала указ Сенату, что производство кирпича и черепицы никуда не годится: кирпич худ, а черепицу только для виду делают, крепости в ней никакой нет, где употреблена на кровли, везде течет насквозь и трескается; в такое дурное состояние производство пришло после кончины родителей императрицы, когда казенные заводы вовсе уничтожены и в частные руки отданы, а частные владельцы не соблюдают старых обрядов при работе: глину заранее не готовят, не мнут ее как следует, сараев не имеют и пр. Для возобновления этого производства чрез архитектора Осипа Дрезина выписаны из Италии мастера кирпичного и черепичного дела два человека, которые с названным архитектором отыскивали годную глину на казенных землях по обе стороны Невы-реки на московской стороне, где и следует устроить новые заводы, а для обучения тому мастерству дать солдатских детей из гарнизонной школы. Суконное и полотняное производство шло хорошо в частных руках. Воронежский купец Постовалов завел в Воронеже суконную фабрику в 1739 году, употребив на нее 40000 капитала; теперь она явилась в добром состоянии, и Постовалову позволено было завести еще бумажный завод, а для вспоможения правительство дало ему казенный каменный дом в Воронеже, липскую суконную фабрику, которая не пошла в руках иностранца Ариольти, инструменты и мастеровых людей с фабрик, отнятых у Сахарова и Плотникова за "неразмножение их суконных фабрик"; позволило купить деревню до 50 дворов, с тем, чтобы крестьян, кроме фабрики, не употреблять никуда. За эти милости Постовалов обязан был готовить мундирные сукна и каразеи - на первые годы не меньше 30000 сукон в год, а впредь с умножением. Относительно выделки полотен

возобновлен был указ Петра Великого, чтоб деланы были широкие полотна, какие требовались за границу. С казенной почепской фабрики продано было купцу Тиммерману 6500 кусков по 4,31 копейки за кусок. 16 декабря императрица, присутствуя в Сенате, устно приказала, чтоб Коммерц-коллегия вместе с магистратом рассмотрели, отчего как шелковые, так и другие товары сильно вздорожали.

Шведская война прекратилась; но положение европейских дел не давало ручательства за продолжительное сохранение мира, не позволяло надеяться на значительное уменьшение расходов на войско. Кроме того, восстанавливая во всем распоряжения Петра Великого, должны были позаботиться о любимом его учреждении - флоте, который, как доносили, находился в жалком положении. В конце года корабельный подмастерье Острецов подал императрице донос на Адмиралтейство, что оно и флот находятся в весьма слабом состоянии: магазины опустошены, гавани в Кронштадте корабельными днищами засорены и обмелели, для вычищения их машин нет, мачтовые леса без остатку погноены, люди при флоте и верфях безмерно загнаны; когда флот должен выходить в море против неприятеля, тогда провиант закупают, пива варить подрядом начинают, смолу купить приискивают, купеческие суда для перевозки нанимают, а все с немалою передачею казны.

Внешняя война прекратилась, но войско надобилось для внутренней войны - для войны с разбойниками, театром которой по-прежнему служила восточная окраина Европейской России. В самом начале года Сенату докладывано, что по челобитью казанских землевладельцев для поимки беглых крестьян и для искоренения воров по рекам Волге, Медведице, Карамышу и в саратовской степи определено послать штаб-офицеров с командою. Донской атаман донес, что все козачьи хутора, в которых беглецам не без пристанища было, искоренены, а беглых, скрывавшихся в станицах и лесах, отправили в крепость Св. Анны, в Царицын и другие места. Но осенью нижегородская губернская канцелярия доносила, что в тамошней губернии являются вору и разбойники великими компаниями, сухим и водяным путями, а канцелярия за неимением солдат искоренить их не может. Сенат велел из стоящих поблизости полков определить пристойную команду. По петербургской дороге было воровство и разбои, недалеко от Москвы разбили морского офицера. В самой Москве крестьянин Зацепляев, собравшись с гренадером лейб-компаний Телесниковым и с дворовыми людьми, всего десять человек, ездили за Калужские ворота и Донской монастырь для разбою в два дома.

Кроме погони за разбойниками в той же Нижегородской губернии войско должно было выдержать бой с мордвою, восставшей по следующему случаю: нижегородский архиерей Димитрий (Сеченов), объезжая епархию, в Терюшевской волости, в селе Сарляях, велел разорить мордовское языческое кладбище, находившееся подле церкви; за это мордва собралась и напала на архиерея, который едва отсиделся в погребе у священника,

пока подросли христиане из окрестных деревень. Димитрий, донося об этом происшествии, писал, что бунтовщики не мордва, а старые русские идолопоклонники, по-мордовски говорить не умеют, а говорят ярославским наречием, рознясь от русских нижегородцев. Как бы то ни было, в Терюшевскую волость отправился премьер-майор Юнгер с командою, велено ему мордву склонять к покорности, и если не склонятся, то репортовать, а без указа с ними военною рукою не поступать. Но Юнгер не имел возможности исполнить указа, ибо репортовать было нельзя, когда мордва встретила его с луками, рогатинами и огнестрельным оружием в числе 1000 человек и начала стрелять в его команду. Юнгер должен был вступить в бой и поразил неприятеля: у мордвы побито 35 человек, живых взято 136, в том числе раненых 31, а в команде ранено 5 человек. После этого мордва стала просить прощения; Юнгеру велено было заводчиков и пушного Несмеянку прислать в губернскую канцелярию, остальных простить и объявить им, что, если кто хочет принять христианскую веру, пусть подаст просьбу епископу Димитрию. В губернскую канцелярию прислано было 130 человек заводчиков. Главный из них, новокрещен Несмеяно-Кривой, за то что отступил от христианства, сняв с себя крест, расколол икону, приговорен к сожжению; но к архиерею Синод должен был послать указ, чтоб неволею никого не крестил и не озлоблял.

Обруселые, если не русские, язычники нападают на архиерея, вступают в битву с войском правительства, новокрещеный снимает с себя крест, рубит икону и становится главою восстания идолопоклонников! Мы видели, что в царствование Анны лучшим средством для успокоения областей старого Казанского царства считали распространение и утверждение христианства между иноверными его жителями, и в 1740 году назначен был для этого дела в Казань Димитрий Сеченов, тогда еще архимандрит. При Елисавете он представил в Синод, что в местах, населенных новокрещенными, необходимо построить по меньшей мере 30 деревянных церквей, ибо новообращенные от русских сел живут в расстоянии осьмидесяти, ста и более верст, и что на это церковное строение надобно употребить 9000 рублей, считая каждую церковь в 300 рублей. Сенат нашел, что эта сумма велика, что коллегия Экономии должна отпустить только половину, а издержка сократится тем, что церкви будут строиться местными жителями, даже и теми, которые не захотят креститься; указал, как приобрести подешевле книги, колокола, утварь. По доношению того же Сеченова Синод представлял, что до построения церквей нужно к Каждым 250 дворам посвятить по два священника, по одному дьякону и по три церковника, которые будут наблюдать за строением церквей, новокрещеных будут обучать закону божию, а детей их грамоте и всячески стараться вводить между ними христианские обычаи, а требы исправлять хотя при часовнях; жалованье им давать: священникам - по 30 рублей и по 30 четвертей хлеба, дьяконам - по 20 рублей и по 20 четвертей хлеба, а церковникам - по 15 рублей и по 15 четвертей хлеба. По указу 1740 года велено было новокрещеных переселять из тех деревень, где они живут вместе с иноверцами; но Сеченов представил, что в деревнях

новокрещенов бывает большинство и переселение будет им убыточно и заторно, как будто за принятие св. крещения они лишаются старинных своих жилищ, что отвратит многих иноверцев от крещения; следовательно, гораздо лучше переселять иноверцев, которые, не желая лишиться прежних своих домов и земель, придут все к св. крещению *самовольно*. Сенат согласился с этим представлением. Согласился и на возобновление старого распоряжения, чтоб принимавшие крещение холопы и крестьяне иноверных землевладельцев освобождались от крепостной зависимости, а если сами землевладельцы примут христианство, то получают по-старому своих холопей и крестьян; чтоб принявшие крещение освобождены были на три года от всех поборов, которые должны быть разложены на оставшихся в иноверии; чтоб те из них, которые живут по кабалам у заимодавцев, были от них освобождены; чтоб те из иноверцев, которые содержатся под караулом по маловажным делам и захотят принять крещение, освобождались из-под караула без всякого наказания. По донесению Сеченова, в 1741 и 1742 годах было обращено в христианство 17362 человека.

Иноверцев освобождали из-под караула и не подвергали наказанию, если они принимали крещение, причем не возбуждалось подозрения насчет побуждений. Иначе смотрела раскольничья контора на обращающихся в православие раскольников. В Сибири, в Кузнецком уезде, 18 человек раскольников сожгли сами себя; некоторые, хотевшие последовать их примеру, были схвачены и обратились в православие: но раскольничья контора представила Сенату, что они обратились, "знатно избывая истязаний"; что надобно их расспросить под плетью о сгоревших 18 человеках и сообщниках их; так как они, не объявивши начальству, допустили этих 18 человек до самосожжения, то подвергаются смертной казни; но так как они обратились в православие, то следует их для острастки другим наказывать кнутом. Сенат приказал: конторе поступать по точным указам, имея которые ей не следовало и представлять в Сенат; обратившихся раскольников не трогать, только смотреть, чтоб они твердо пребывали в православии. Сенат должен был также умерить ревность архангельской губернской канцелярии: архиерейская домовая канцелярия дала ей знать, что в Мезенском уезде и других местах многочисленными скитами живут потаенные раскольники обоего пола, монахи и бельцы; доносчик признает их из шляхетства, или из знатного купечества, или из подрядчиков, которые, может быть, бежали, забравши из казны большие суммы. Губернская канцелярия отправила премьер-майора с командою забрать всех раскольников с пожитками и отправить в Архангельск, а строение их сжечь; если же они будут сопротивляться, то силою их склонять и увещевать, если же вознамерятся отбиваться, то по ним стрелять и захватывать. Сенат приказал: послать указ, чтоб поступали весьма осмотрительно, без разорения и грабежей, и отнюдь бы не вступали в бой под опасением военного суда; поступать во всем так, как повелевают прежние указы о раскольниках; а для чего и по каким указам губерния

распорядилась, чтоб команда по раскольникам стреляла и пожитки забирала, прислать доношения с первою почтою.

Так как Синод потребовал освобождения из-под караула и от наказания за небольшие вины тех иноверцев, которые примут крещение, то Сенату естественно было обратиться к Синоду с вопросом, не следует ли раскольников, уличенных в важных преступлениях, освобождать от смертной казни, если они обратятся в православие. С таким вопросом обратился Сенат по поводу обращения из раскола крестьянина Степанова, совершившего смертоубийство. Синод отвечал, что он не находит правил св. отец, чтоб освободить от смертной казни убийц, когда они обратятся к св. церкви, ибо обращение к благочестию от вечной только смерти избавляет, а временная по винам смерть присуждается гражданскими законами. Но спустя короткое время - новый случай: разбойник крестьянин Петров был приговорен к смерти, на исповеди объявил себя раскольником и обратился в православие; нижегородский епископ Димитрий представил, чтоб его не в образец другим к лучшему исправлению для спасения душевного от смертной казни освободить и заточить в монастырь. Так как являлось архиерейское представление, то Сенат счел нужным сообщить в Синод и требовать, "чтоб св. Синод благоволил, рассматривая, коим образом в таком случае с оным Петровым поступить надлежит, сообщил прав. Сенату свое рассуждение". Синод дал любопытный ответ: "Ежели реченный Петров от смертной казни учинится свободен, то св. Синод в монастырь для покаяния его определит". Сенат приказал: о том колоднике до будущего указа обождать. Кроме сношений по иноверческим и раскольничьим делам Сенат имел с Синодом несколько неприятных объяснений. Коллегия Экономии разослала по монастырям Ростовской епархии отставных служилых людей; но ростовский архиерей Арсений Матеевич не принял их на том основании, что прежде отставные содержались на монашеские порции, которые оставались вследствие сокращения числа монахов по распоряжению Петра Великого, а теперь все эти порции издерживаются новопостриженными монахами; в доношении своем Арсений позволил себе резкие выражения о воеводах и вообще о светских правителях. Синод послал Арсению указ, чтоб вперед под опасением штрафа не употреблял подобных поносительных слов; но Сенат не был этим доволен и грозил, что если Синод не пресечет таких поступков, то он, Сенат, доложит императрице.

Другое объяснение было по поводу возобновленного указа о надзоре за соблюдением тишины во время богослужения. Синод прислал в Сенат ведение, что в указе о безмолвии в церквах находится лишнее против указа Петра Великого и несогласное с духовным регламентом, именно что у сбора штрафных денег должны быть в церквах и монастырях отставные офицеры и солдаты, ибо это дело принадлежит церкви и ее пастырям и должно быть в ведении архиереев и священников с причтом. Приказали объявить Синоду, что определение Сената сделано в силе указа Петра Великого, равно как и синодского рассуждения 11 января 1723 года; в

указе Петра говорится: брать штраф по рублю с человека, не выпуская из церкви, и употреблять на церковное строение, для чего употреблять кого пристойно из людей добрых; ясно, что велено употребить людей светских, а не духовных, и при жизни Петра Великого были у этого сбора светские люди; духовным особам и церковнослужителям смотреть за разглагольствующими во время службы божией Сенат признает неудобным, что отдается на особое рассуждение св. Синода.

Чрез несколько месяцев Синод жаловался, что тверской воевода Давыдов обидел тверского епископа Митрофана, посылал брать в провинциальную канцелярию к суду двоих семинарских учителей. Воевода, спрошенный Сенатом, отвечал, что поручик Фохт подал ему следующую жалобу: пасынок его, пятилетний Семен Воейков, гулял у городского вала, и учителя семинарии, взяв его в архиерейский дом и затаща к себе в келью, чинили над ним ругательское мучение, обнажа, били батожем смертно; по свидетельству, открылось, что ребенок действительно избит и оттого болен; Фохт объявил, что он двукратно просил архиерея на учителей, только никакого решения не сделано, потому что эти учителя состоят с его преосвященством в близком родстве. Сенат приказал объявить Синоду, что никакой в том деле продерзости со стороны воеводы признать не может. Синод возражал, что он не признает ответа воеводы Давыдова вероятным, истины познать без исследования не по чему, а учителя тверские ездили в чужие государства и обучались своим коштом на разных диалектах, так что достойными учителями оказываются, и если им не дать удовлетворения, то и другие ученые люди в великую Россию приезжать для преподавания в школах будут очень опасаться; а по регламенту семинарские учителя светскому суду не подлежат. Тверской архиерей жаловался на своего воеводу, а коломенский воевода жаловался на своего архиерея Савву, который запретил приходскому священнику исправлять требы в деревне Свитягине по злобе на ее крестьян, оспаривавших у него землю; вследствие этого запрещения родильницы оставались без молитв, умершие - без погребения.

Но Сенат не мог не согласиться с Синодом относительно требования расширения религиозного образования. Синод представил, что российские дворяне и прочих чинов люди детей своих обучают из *российских книг* только чтению Часовника и Псалтыря, а потом употребляют в разные светские науки, а чтоб знать всеблагото бога и нашу к нему должность и догмат православной христианской веры, в чем истинный путь спасения нашего состоит, тому едва ли кто обучать старается. Синод требовал, чтоб обучали букварю и катехизису, без знания которых ни в какие чины не повышать. Сенат не только согласился, но и приказал с отцов, не радящих о таком обучении детей своих, брать штраф - с шляхетства по десяти, а с прочих по два рубля.

Дорогая для Синода книга "Камень веры" была распечатана; но Синод не довольствовался этим и хотел запечатать книги, которые пришли в Россию

счужа в то время, как "Камень веры" была запечатана. Он представил Сенату, и Сенат издал указ: книгу "О истинном христианстве" Арнта, напечатанную в 1735 году на русском языке в Галле, и книгу "О кончине христианского жития" безымянного автора как не свидетельствованные Синодом отбирать у всех в Синод и впредь таких книг, напечатанных за границею на русском языке, в Россию как русским, так и иностранцам ни под каким видом не вывозить, чего на границах и при портах, наблюдая накрепко, не пропускать. Русским, находящимся за границею для обучения и прочих дел, объявить и впредь отпускаемым подтвердить, чтоб они таких книг на русский язык отнюдь не переводили, и внутрь империи никаких богословских книг с других языков на русский без позволения Синода переводить запретить.

Соответственно духу переворота 25 ноября показалось неприличным, что церкви иностранных исповеданий находятся в Петербурге на самом видном месте - на Невском проспекте. Императрица велела приискать для них другие, более отдаленные места. Места были приисканы, составлены планы и сметы издержкам построения, и решили доложить государыне, не соизволит ли указать оставить кирхи до будущего времени на прежних местах, потому что по смете на строение новых денежной казны надобна сумма немалая, а в настоящее время деньги потребны на самонужнейшие расходы.

С октября двор начал собираться в Москву. Сенат приказал: для шествия ее имп. величества в Москву поставить по станциям ямских и от купечества по 200 лошадей с каждой станции; но чтоб находящиеся по той дороге ямщики и купцы одни от поставки подвод не понесли излишнего отягощения, то в помощь к ним росписать по способности прочие города и села расстоянием от той дороги хотя в 200 верстах; смотреть, чтоб купечество и ямщики лошадей ставили с хомутами, вожжами и дугами и кормили их, чтоб были сыты. Для шествия же господ министров, сенаторов, Синода, придворных и прочих чинов и чужестранных министров поставить на тех же станциях уездных по 500 подвод. Потом велено было к двумстам подводам прибавить еще по 100 на каждой станции с ямщиков и купечества. Из Москвы императрица намеревалась ехать в Киев, и потому велено было исправлять дорогу, строить дворцы по станциям; но потом нашли, что малороссиян нельзя отягощать постройкою дворцов по причине недостатка в лесе, и потому велено от Глухова до Киева приготовить только погребя для питей и припасов.

Императрица сбиралась в Москву, чтоб праздновать там мир со Швециею. На каких же условиях был заключен этот мир?

Мы видели, в каком отношении находилась императрица Елисавета и ее главные вельможи к иностранным делам в конце 1742 года. Благодаря явному пристрастию к Швеции, выказанному французским правительством, благодаря тому, что с французской стороны была задета

самая чувствительная струна, именно отношения Елисаветы к Швеции перед ее воцарением, Лесток и Шетарди проиграли дело против русских вельмож, и Шетарди должен был оставить Россию. В начале ноября 1742 года приверженцы Франции были обрадованы смертью великого канцлера князя Алексея Михайловича Черкасского, который под конец жизни заглаживал старые грехи, стоя твердо за русские интересы: но все же его смерть послужила более в пользу, чем во вред, этим интересам, отдавая их в руки даровитого и энергического Бестужева, который становился теперь самостоятельным. Впрочем, в первое время по смерти Черкасского никто не был уверен, что Бестужев получит верховное заведование иностранными делами. Мы знаем, что у вице-канцлера были сильные враги, которые должны были употребить все усилия, чтобы оттолкнуть его от места великого канцлера. Но для этого им нужно было указать императрице человека, который был бы достойнее или по крайней мере столько же достоин этого места, как и Бестужев. Указывали на Румянцева; но Елисавета не считала его способным и опытным: может быть, он добрый солдат, да худой министр, писала она. По своему обыкновению, Елисавета отложила трудное дело, не назначила никого пока великим канцлером; но Бестужев в прежнем звании вице-канцлера стал самостоятельно заведовать иностранными делами, и Бреверн продолжал служить ему верным помощником, каким был прежде и для Остермана.

Шетарди не было; но у Лестока нашелся другой товарищ, столь же опасный для Бестужева и русских интересов, как и Шетарди: то был голштинiec Брюммер, гофмаршал двора великого князя наследника Петра Федоровича. Провозглашение Петра Федоровича наследником произошло внезапно; никто до последней минуты не знал об этом, кроме Лестока, Брюммера и новгородского архиепископа Амвросия Юшкевича: ясно, что боялись сопротивления, неудовольствия с чьей-то стороны. Но у Брюммера на сердце было еще другое дело, чисто голштинское, - это выбор в наследники шведского престола, от которого отказался великий князь, дяди его, епископа Любского, администратора Голштинии за малолетством Петра Федоровича. Разумеется, Брюммеру и Лестоку легко было убедить Елисавету в необходимости поддерживать избрание голштинского герцога со стороны России: близкая родственная связь между наследниками русского и шведского престолов обезопасит Россию со стороны Швеции и упрочит мир на севере; при этом в Елисавете действовало и печально-нежное воспоминание: дело шло о помощи родному брату того герцога Голштинского и епископа Любского, который был женихом ее и был отнят у нее смертью. Лесток, разумеется, сильно содействовал Брюммеру в этом деле, ибо за избрание епископа Любского Швеция могла получить более выгодный мир, которым Лесток отслуживал Франции за ее пенсию. И русские люди могли желать избрания герцога Голштинского в наследники шведского престола, но с условием, чтоб за это не было дорого заплачено, чтоб не пострадал ближайший русский интерес при заключении мира со шведами, ибо родственные связи между государями далеко не всегда служат ручательством за союз между государствами. Понятно после этого,

как важно было назначение уполномоченных на Абовский конгресс. Назначение Румянцева первым уполномоченным было неприятно Бестужеву: Румянцев был избранник противной стороны, кандидат ее на канцлерство для оттеснения Бестужева. Вторым уполномоченным Бестужев хотел видеть сенатора князя Голицына; но Лесток постарался о назначении генерала Любраса. Императрица сначала не хотела Любраса, выставляя, что он немец, но Лесток нашелся и возразил: "Отец вашего величества вел переговоры в Ништадте через немца же". Елисавета подписала назначение Любраса.

Мы видели, с каким ответом относительно мирных условий отправились из Петербурга шведские депутаты, приезжавшие объявлять об избрании герцога Голштинского в наследники шведского престола. В январе 1743 года начался Абовский конгресс. От 30 числа Румянцев писал, что между шведскими уполномоченными Цедеркрейцем и Нолькеном примечено несогласие; поэтому он, Румянцев, улуча после обеда удобный час, вступил с Цедеркрейцем в откровенный разговор о прошедшем и открыл, к своему сожалению, что сенатор многого не знает, а что и знает, то от Нолькена, в котором, следовательно, заключается вся сила; поэтому надобно опасаться, что на конгрессе много будет лишних споров и затруднений, ибо Нолькен, будучи одним из зачинщиков войны, естественно, должен защищать свое дело. Румянцев сказал Цедеркрейцу: "Как жаль, что товарищ у вас не такой честный человек, как вы". Цедеркрейц отвечал на это просьбою обходиться с ним откровенно, сказать прямо, в чем состоит намерение императрицы относительно мира, Румянцев повторил то, что было объявлено шведским депутатам в Петербурге. Цедеркрейц сказал на это, что если нельзя иметь на шведском престоле герцога Голштинского, то другого кандидата не остается, как дядя его епископ Любский; только советовал для лучшего успеха выражаться на конференциях так, что епископа Любского рекомендует герцог Голштинский, прибавляя, что императрице также это будет приятно. "Эта рекомендация, - говорил Цедеркрейц, - государственным чинам не так противной покажется".

Что же касается Финляндии, то Цедеркрейц объявил, что Швеции без нее обойтись нельзя. Впрочем, Румянцев писал, что мирные переговоры будут идти только тогда успешно, когда будут подкреплены оружием, и надобно приготовляться к будущей кампании таким образом, чтоб неприятель имел в виду разорение шведских берегов. Румянцев внушил Цедеркрейцу, что в случае благополучного окончания дела он может быть уверен в благодарности русского двора. Цедеркрейц по первому же разговору *податен* явился, "только, - писал Румянцев, - вся сила в руках у Нолькена, и он дело ведет как хочет, почему хотя при случае денежная дача лакомому к деньгам Цедеркрейцу была бы и не бездействительна, однако теперь еще рано". 16 февраля Румянцев донес, что шведские уполномоченные решительно отказались заключить мир на условиях, кто чем владеет (*uti possidetis*), объявили, что король и государственные чины лучше дойдут до всяких крайностей, чем согласятся на это; причем шведы

старались выпытать, какая именно будет уступка со стороны России в случае избрания епископа Любского. Румянцев просил императрицу снабдить его по этому обстоятельству дальнейшими предписаниями, прибавляя, что в деле наследства надобно опасаться от шведов какого-нибудь коварства, обещают для получения Финляндии и потом обманут; к достижению мира один способ - твердость со стороны России.

22 февраля императрица велела подать мнение об условиях мира с Швециею следующим лицам: фельдмаршалам князьям Долгорукому и Трубецкому, графу Леси и принцу Гессен-Гомбургскому; сенаторам: адмиралу графу Головину, обер-шталмейстеру князю Куракину, действительному тайному советнику Нарышкину, генерал-лейтенантам князьям Голицыну и Урусову, тайному советнику Новосильцеву, действ. статскому советнику князю Голицыну; членам Иностранной коллегии: вице-канцлеру графу Бестужеву-Рюмину, тайному советнику Бреверну, действ. статским советникам Ивану Юрьеву и Исааку Веселовскому, кроме того, генералу Левашеву, графу Михайле Бестужеву-Рюмину, князю Никите Трубецкому; генерал-лейтенантам: князю Репнину, Игнатьеву и Измайлову. Фельдмаршал князь Долгорукий представил мнение, что из Финляндии можно уступить шведам только отдаленную Остерботнию; если же они изберут наследником своего престола герцога Голштинского епископа Любского, то можно им будет уступить и Абовскую область. По мнению фельдмаршала князя Трубецкого, надобно было стараться всеми силами удержать всю Финляндию: "Возвратить ее Шведской короне ни по каким правильным причинам невозможно, ибо в противном случае не только всему свету подастся повод рассуждать не к пользе и не к славе оружия ее величества, но и для благополучия и безопасности Российской империи весьма надлежит, чтоб граница была отдалена, ибо опасность от близкой границы нынешняя война доказала; наконец, обыватели финляндские, видя, что их страну возвратили шведам, в другой раз будут противиться всеми силами русским войскам". Но если шведы никак не согласятся отдать всю Финляндию, то заключить мир с удержанием части Финляндии по Гельсингфорс и Нейшлот; или удовлетворить шведов денежною суммою; или выговорить условие, чтоб Финляндия была отдельным владением под властью нейтрального государя; значительную уступку из завоеванного можно сделать только в том случае, когда шведы выберут на престол епископа Любского. По мнению фельдмаршала Леси, из Финляндии можно было уступить только Остерботнию, как область отдаленную, каменистую, болотную и нехлебородную. По мнению адмирала Головина, если нельзя удержать всю Финляндию по Ботнический залив с *живою границею*, то надобно оставить за Россию Гельсингфорс и всю Нейляндскую провинцию: гавань Гельсингфорсская очень способна для стоянки военных судов, которые могут в ней зимовать без малейшего препятствия, могут по нужде и зимой выйти в море, притом в соленой воде кораблям лежать прочнее и легче. По мнению князя Куракина, надобно было удержать по крайней мере Абовскую область. По мнению Нарышкина, можно было уступить от Вазы к северу. По мнению генерал-

лейтенанта князя Михаила Голицына, нужно было преимущественно удержать приморские места.

Вице-канцлер граф Бестужев-Рюмин представил такое мнение: "Вся почти Европа, равно как соседи наши турки и персы, открытыми глазами смотрят, какое мы доставим себе вознаграждение и удовлетворение за наглое со шведской стороны нарушение мира и нанесенные России тяжелые военные убытки: поэтому слава императрицы, российского народа и государственный интерес требуют приложить всевозможное старание для заключения мира на условии *чем кто ныне владеет* (*uti possidetis*), хотя бы это стоило великой суммы денег (до двух миллионов); для показания же на весь свет, что Россия в удержании Финляндии ищет не расширения государства своего или умножения доходов, но единственно тишины на севере, то можно позволить одним шведским подданным свободную и беспошлинную торговлю в Финляндии. Если же шведы никак на это не согласятся, то на Абовском конгрессе установить такую форму правительства в Финляндии, которая бы устранила всякие с обеих сторон неприятельские столкновения, на что исходатайствовать от других держав гарантию; это предложение все финляндцы охотно будут поддерживать чрез своих депутатов на конгрессе, не желая отдать себя на жертву мстительности шведов. В крайнем случае заключить мир с удержанием Абова или Гельсингфорса с приличным округом, причем выговорить, чтоб финляндцы имели право выселиться из шведских владений в русские. В доказательство необходимости этого условия припомню только, какую гибель понесли в недавнее замирение с турками волохи, а при возвращении шаху персидских провинций грузинцы и армяне, положившись на данное им с нашей стороны обнадеживание, и впредь при новой войне с соседями едва ли уже можно будет их склонить какими-нибудь обещаниями. Наконец, необходимо низвергнуть настоящее шведское министерство, устроившее войну, и восстановить старое, миролюбивое; в противном случае Россия никогда не будет покойна; настоящее министерство вместе с Франциею всегда будет интриговать, турок или других неприятелей против России возбуждать и, приведя нас постороннею войною в слабость, опять нечаянно и вероломно мир нарушит".

По мнению Бреверна, Финляндия так важна для Швеции, что хотя бы она и принуждена была, ее на время уступить, то никогда не перестанет хлопотать о ее возвращении, и потому Россия будет находиться в постоянном беспокойстве; притом и другие державы не будут равнодушно смотреть на такое расширение русских границ и такое ослабление Швеции; для защиты Финляндии нужно будет содержать в ней войско; войско понадобится большое по обширности страны, а прокормить его будет трудно, потому что страна разорена, на финские же войска надеяться нечего; Россия нуждается в мире, а если война ее с Швециею продлится и в Германии восстановится спокойствие, то другие державы могут вмешаться в нашу войну для ловли рыбы в мутной воде; поэтому весьма желательно, чтоб мирные переговоры еще до начала будущей кампании были

приведены к благополучному окончанию, тем более, что военные действия подвержены счастью и несчастью. По мнению графа Михаила Бестужева, надобно удержать Финляндию и заплатить за нее деньгами по примеру Петра Великого. Если шведы на это никак не согласятся, то смотреть, в каких отношениях находится Россия к соседним государствам, особенно к Пруссии, которая опаснее для нее всех других, и если опасности нет, то продолжать войну; если же есть опасность, то заключить мир с удержанием Гельсингфорса с округом и с условием, чтоб шведы провозгласили наследником своего престола епископа Любского; если же и на это не согласятся, то назначить епископа Любского владетельным князем Финляндии под русским покровительством. Мнения остальных не представили ничего особенно замечательного.

Между тем шведские уполномоченные объявили Румянцеву и Любрасу, что епископ Любский изберется наследником престола на таких только условиях: Россия возвратит Швеции все завоеванное, заключит с нею оборонительный и наступательный союз; ибо в случае выбора епископа Любского, администратора Голштинского, война с Даниею необходима, если только Россия не гарантирует Дании Шлезвига, в каком случае три северные двора могут вступить в союз; наконец, Россия должна дать шведам субсидию. Румянцев сказал, что на такие предложения один ответ: незачем здесь больше жить, надобно разъехаться: какие шведы получили над русскими выгоды, чтоб такие идеи себе делать и субсидий просить? В деле наследства они вольны поступать как хотят, только императрица никогда всей Финляндии им не возвратит.

В начале марта русские уполномоченные получили письмо от голштинского посланника Бухвальда, находившегося в Стокгольме. Бухвальд писал, что предстоит опасность, чтоб шведы мимо администратора Голштинского не выбрали на престол принца Датского или Биркенфельдского, вследствие чего советовал не медлить мирными переговорами, объявив шведам выгодные для них условия. Румянцев написал по этому случаю Бестужеву: "Можно рассудить, что Бухвальду в том нужды нет, хотя бы мы и Новгород отдали, только бы его герцог королем избран был. Бога ради, государь мой братец, надобно недреманным оком на такие неосновательные пропозиции смотреть и ее величеству с истолкованием всего того, что он пишет, представить, дабы впредь от них такие ветреные мнения отнять. Правда, он страшит нас выбором кронпринца Датского; но хотя бы это и правда была, то лучше нам против Швеции и Дании в войне быть, нежели бесчестный и нерезонабельный мир на основании Ништадтского заключить".

На основании решения, принятого в Петербурге, Румянцев и Любрас объявили шведским уполномоченным, что в случае выбора епископа Любского императрица оставит за собою добрую часть Финляндии, а им уступит нарочитую, в противном же случае не уступит ничего; если Дания нападет на них за избрание принца Голштинского, то, естественно, честь

заставит Россию помочь им; впрочем, нельзя сомневаться, что по заключении между Россией и Швецией мира Дания никогда не решится напасть на них. 28 марта шведские уполномоченные объявили, что чины склонны к избранию в наследники епископа Любского, но желают знать, что императрица соизволит для них за это сделать; чины ласкают себя надеждою, что императрица, принимая во внимание шведские нужды, доставит им и соответственные тому выгоды и прикажет заключить мир на основании Ништадтского; король надеется, что Россия возьмет надлежащие меры относительно других держав, именно относительно Дании, или гарантирует ей Шлезвиг, или заключит с Швецией оборонительный союз против всех, которые восстанут на нее за выбор епископа Любского. Русские уполномоченные отвечали, что шведы первые должны объявить, что они уступают России из Финляндии; шведы назначили землю по Мейделакс; Румянцев и Любрас возразили, что и по Кюмень мало. Шведы говорили, что если Россия хочет разделить Финляндию пополам, то Швеция должна отдаться в руки Дании, избрав датского принца. Русские уполномоченные объявили им уступку Осторботнии, Аланда и Биорнеборгского уезда. Шведы обнаружили при этом удивление и ужас и объявили, что для пользы мира лучше не писать об этом в Швецию, ибо там сейчас же приступят к избранию нового кандидата.

Румянцев писал в Петербург, что надежда на мир слаба, что шведы не удовольствуются и последним рубежом - по Нюландию, по которую позволено ему было уступить. К Бестужеву Румянцев писал: "Извольте взять сии дела в здравое рассуждение, каким образом сие дело к концу приводить, понеже я здесь не могу знать намерения ее величества ниже вашего рассуждения, что вам более надобно: мир или война? Ежели первое, то надобно еще кондиций прибавить к уступке, а без того другое само собою дойдет, только заблаговременно извольте стараться приуготовлениями к тому как корабельным, так и товарным флотом, дабы ранее выйти могли, а без того великие пакости они нам поделатъ могут. У нас здесь военных людей очень мало, около Абова и до самых Ваз не будет 4000; провианта в Абове и Вазах только по июнь месяц". Между тем Бухвальд писал из Стокгольма, что известие о русских условиях произвело там отчаяние, начались сильные военные приготовления и уполномоченным предписано разорвать конгресс, если не услышат более выгодных предложений.

10 апреля Румянцев и Любрас объявили шведам уступку Финляндии по Нюланд как ультиматум, а 30 апреля писали императрице, что мирный конгресс скоро должен рушиться, ибо из Швеции нет никакого ответа насчет ультиматума, а потому ничего не остается как усмирять гордого неприятеля силою оружия. Бухвальд в начале мая писал, что в Швеции никогда не согласятся на уступку по Нюланд, ибо считают эту провинцию и Фридрихсгамскую гавань столь важными, что с потерей их остальная Финляндия ничего не значит. "Здесь, - писал Бухвальд, - с прежним

усердием продолжаются военные приготовления, армия будет от тридцати до сорока тысяч человек. (Угрозы! - заметил Бестужев на поле, - столько нет!) Флот будет состоять из двадцати четырех военных кораблей. (Неправда! - заметил Бестужев.) Если Дания достигнет здесь своих целей, то немедленно пришлет 10000 человек, которых она наготове держит в Норвегии для соединения с шведскими войсками, и вместе будет действовать в Вестерботнии; остальные же датские войска будут употреблены для нападения на Финляндию с аландской стороны". На это Бестужев заметил: "Прежде ни о чем не писал, а ныне с разными угрозами!" Бестужев вообще был недоволен ведением дела; не был доволен Бухвальдом, который думал только об интересах голштинского принца и страшал русское правительство для того, чтоб оно поспешило уступить всю Финляндию на условии избрания епископа Любского; Бестужев не был доволен и Румянцевым, которого упрекал в излишней торопливости, и отвечал ему не очень ласково на его письма. Разобиженный Румянцев писал ему: "Я никогда не думал, чтоб ваше сиятельство на мое покорное письмо так недружески ответствовали: хотя б что и противно, может быть, неискусством пера моего усмотреть изволили, то б дружески, а не с такими выговорами дали мне знать". Когда Румянцев и Любрас написали в Петербург, что нет надежды на уступку шведами Нюландии, то Бестужев заметил: "Худые пророки!"

Но Бестужеву бороться было трудно: императрица сильно желала возведения на шведский престол епископа Любского, все сильно желали мира, и 24 апреля собрание рассудило следующее: "По настоящим ныне в Европе конъюнктурам и состоянию здешней империи весьма желательно и нужно, чтоб война прекращена была полезным миром для того: если в немецкой земле настоящая война прекратится, а шведы мимо епископа Любского выберут в наследники престола кронпринца Датского или принца Биркенфельдского, то опасно, чтоб Пруссия, Польша, Дания, Франция, Турция и другие державы не вмешались в войну между Россиею и Швециею и не стали помогать шведам; притом продолжать войну тяжело будет для России, потому что империя и без того уже несколько лет в непрерывной войне находится. Поэтому если епископ Любский действительно признан будет наследником шведского престола, то Россия может оставить за собою Кюменогорскую область, включая сюда Фридрихсгам и Вильманштрандт, также Савалакс и Нейшлот с их дистриктами, ибо эти области прикрывают Выборгский, Кексгольмский и Олонецкий уезды".

На это мнение императрица отвечала: "Лучше нам оставить за собою малое, да нужное, а шведам уступить большее и им полезное, а нам ненужное, а именно: нам оставить за собою Нюландскую провинцию и Кюменогорскую область, что очень нужно для сообщения с нашим эстляндским, ингермандским и корельским берегом; из Кексгольмии столько оставить за нами, сколько заняла граница, учиненная по Ништадтскому миру, а шведам уступить в прибавок к прежней уступке

Тавастию всю и Савалакс. Итак, шведам большая часть Финляндии останется, а нам меньше, но нужнее для удержания соседей от неприятельских нападений, которых ожидать надобно от лежащих по морю мест, а не на Олонец и Кексгольм. Противу опасности от имеющих вступить в нынешнюю против нас войну предлагается от нас собранию: во-первых, помощь божия, от многих лет государство наше в правде защищающая; да и опасности теперь еще на деле не видно, а если б и оказалась, то имеем на границах войско. Что государству нашему от продолжающейся войны не без тягости, и на оное ответствуем, что оное все как было, так и будет по предвидению божию; однако ж видели и видим, что господь бог в правде государству нашему свою помощь подавал и подает; сего и впредь от его ж благословения ожидать имеем. Мы ничего иного от собранных не желаем, токмо дабы поступали и ныне с тем же духом крепости, который явили нам в собственных своих мнениях". Собрание отвечало, что указанные императрицею условия оно признает за наилучшие и благодарит за откровение высочайшего намерения.

В половине мая пришел из Швеции ответ, что король не может уступить Нюландии, а только Кюменогорскую область. Русские уполномоченные по указу из Петербурга согласились на уступку Нюланда, но потребовали к Кюменогорской области Савалакса и Карелии и в случае несогласия объявили, что уезжают; это было 14 июня. Между тем в Петербурге 8 июня собрание рассуждало об уступке Савалакса и решило, "*чтоб не допустить кронпринца Датского на шведский престол и помочь в достижении его принцу Голштинскому, в рассуждении слабой негоциации здешних на конгрессе министров, из их же собственных реляций усмотренной*, уступить шведам Савалаксию, ограничившись Кюменогорскою областью с Фридрихсгамом, Вильманштрандом и Нейшлотом с уездами".

Об этом заседании собрания Алексей Бестужев-Рюмин писал Черкасову любопытное письмо: "При вчерашнем собрании в двух пунктах жестокий спор учинил генерал-прокурор, которому последовал Ушаков и князь Мих. Мих. Голицын: 1) в том, что в мнении написано было, что ежели города Нишлота уезд в нашу сторону подался, а в неприятельскую ничего нет, чтоб выговорено было прибавить из Савалаксии к городу Нишлоту пять или по последней мере три мили, против чего крепко закричали, ничего больше требовать не надлежит, хотя б не токмо по полисады, но и под самую стену граница была, и так перекричали, что оставлено просто на всякую удачу; 2) внесено было в мнение, что в рассуждении слабой негоциации министров здешних на конгрессе, как из реляций их усмотрено, то надлежит Савалаксию уступить, и хотя все о слабой негоциации рассуждали и осуждали, однако наконец перекричали, чтоб из концента выкинуто было, даже потом фельдмаршал князь Долгорукий и генерал граф Чернышев с прочими, кроме вышеозначенных и Бахметева, вновь за то ухватились, чтоб оное внести, и согласились по обеде у него ж, фельдмаршала, вновь съехаться, куда приехав, изготова два инструмента, один со внесением спорного пункта, а другой с выпусчением оно, кто что

подписать по чистой своей совести заблагорассудит. Генерал-прокурор полутора часами назначенного времени позже приехал, что между тем со внесением спорного пункта девять персон и генерал Ушаков подписали, оставя ему место: за то жестоко прогневался на всех, а особливо на меня и всю коллегия, для чего, не дождавшись его, подписали, хотя ему и представлено было, что и другой инструмент готов без внесения спорного пункта, на волю его предается, который по чистой своей совести подписать заблагорассудит, однако ж, с час еще гневаясь, наконец обще с князем Голицыным и Бахметевым, которые в том же сильно спорили, с неспоряющимися равномерно подписались. Могу поистине сказать, что от помянутых спорщиков и крикунов сего собрания совет подобен был козацкому кругу".

Посмотрим теперь, что делалось в Або. Здесь 15 июня Нолькен приехал к Любрасу и со слезами просил отмены в условиях, которую уполномоченные взяли бы на себя. Румянцев и Любрас отвечали, что взять на себя отмену условий они никак не согласны, но только в надежде на апробацию императрицы назначают новые условия: уступку России всей Кюменогорской области, половины Карелии и Нейшлота. "Запрос о части Карелии мы сделали для того, - писали Румянцев и Любрас, - чтоб тем легче шведы согласились на отдачу Нейшлота, и притом не желая упустить ничего, чем бы можно было получить от них побольше". Шведы не хотели уступить побольше и после жарких споров написали проект договора: шведы обязывались избрать в наследники престола принца Голштинского, уступить Кюменогорскую область со всеми устьями реки Кюмени; о Нейшлоте шведские уполномоченные обязались в надежде на апробацию, точно так, как русские насчет Савалакса и Карелии, хотя они имели указ императрицы об уступке этих земель; Россия обязывалась принять меры для защиты Швеции, если б последняя подверглась нападению вследствие заключения такого договора с Россией, "как о том прежде говорено". Относительно этого обязательства Румянцев и Любрас писали: "Сей пункт всех тяжелее для нас был, ибо в указе вашего величества в том отказать велено и только тогда на то поступлено, когда увидали действительно, что уже разрыв всего от того зависит и потому оный так, по нашему рабскому мнению, изображен, что ваше величество ничем не обязует, ибо пристойные меры не в одном оружии, но и в негоциации разумеются; а более того заключение: "Как о том говорено", все опровергает соответственно тому, как от нас сказано, что ваше величество никаких обязательств в мирное дело включить не намерены".

На этом основании составлен был подписанный 17 июня "Уверительный акт", на который поступить, писали уполномоченные, "мы по рабскому нашему ревностному усердию к высочайшим вашего величества интересам и отечеству дерзнули наипаче для того, чтоб конгресс по точному указу вашего величества до разрыву не допустить и шведское с Даниею соединение отворотить". "Уверительный акт" едва успели вовремя привезти в Стокгольм, потому что далекарлийские крестьяне в числе осьми тысяч

ворвались 22 июня в столицу, с тем чтоб провозгласить наследником принца Датского; картечи заставили крестьян разбежаться, а так как "Уверительный акт" был уже получен 19 числа, то 23-го король, Сенат и все четыре государственных чина единогласно выбрали коронным наследником Голштинского принца Адольфа Фридриха, и одновременно с провозглашением этого избрания объявлен был и мир с Россией. Императрицею мирный договор был подписан 19 августа: "Свейский король уступил ее имп. величеству и наследникам ее и последователям всероссийского императорского престола в совершенное непрекословное вечное владение и собственность в сей войне завоеванную из Великого княжества Финляндского провинцию Кюменегор с находящимися в оной городами и крепостями Фридрихсгам и Вильманштрандт и, сверх того, часть кирхшпиля Пюттиса, по ту сторону и к востоку последнего рукава реки Кюмени или Келтиса обстоящую, который рукав между большим и малым Аборфорсом течет, а из Савалакской провинции город и крепость Нейшлот с дистриктом и со всеми принадлежностями и правами".

Относительно войны, оконченной Абовским миром, до нас дошло любопытное сочинение, неизвестно кем написанное, в форме разговоров между двумя солдатами. Во время стоянки армии у Аландских островов перед заключением мира солдат Симон говорил своему товарищу Якову:

"Для чего мы столько долго в пустом месте стоим, где не можно на пищу ничего достать купить, да и вода самая нужная и нездоровая? А видим, по островам финского скота шатается много без пастухов, и жителей в деревнях нет, а брать его не велят, и от такова недовольствия в полках весьма больных умножилось, да и мрут, а главные наши командиры о довольстве нашем не стараются и в хорошие места не переводят; бог им судит! С великою бы мы охотою против неприятеля с ружьем померли, нежели ныне здесь от недовольствия. Если бы таким образом случилось шведам войти в наши российские места, то бы они по своей гордости и к нам зависти не точию скот наш не пощадили, но и жен и детей наших мучительно обругали и церкви осквернили, как то в прежде бывшую войну от них в Малороссии было. Разве мы скота их хуже? *Яков*: Фельдмаршал человек хотя и добрый, да так уже ему много по старости лет и в ум не придет, а генералитет говорить о том опасаются, чтоб не досадить еще; подлинно мы знать не можем, каковы дела происходят в Стокгольме и на мирном конгрессе в Абове. *Симон*: В каком состоянии эту нашу со шведами войну надеялись быть, как бы прежние российские правители у нас еще целы были, и чем бы то она окончилась, страшно и спрашивать. *Яков*: Памятуешь ли прошлые годы, когда пошли мы в Польшу для избрания нынешнего короля Августа III на место отца его? Был у нас главным командиром генерал Лессий, который ныне фельдмаршал: хотя иноземец, только человек добрый. А как пришли под Гданск, тогда приехал к нам генерал-фельдмаршал Миних, природный немчин и не нашей веры, стал жестоко с нами, российскими солдатами и с офицерами, поступать и, не рассуждая о государственных наших убытках и

о гибели нашего народа, во многие нехитростные тогда партии посылал, а паче под Вилборг, напившись пьян, лучших тогда изо всей армии гренадеров и мушкетеров ночью на приступ командировал, откуда малое число назад в лагерь пришли, да и то почти все переранены; и тут множество добрых солдат погубил, а пользы никакой не получил... С турками войну объявили и поручили главную армию в команду ему же, Миниху, а генерала Лессия пожаловали в фельдмаршалы и Азов брать послали. Вот стали у нас оба фельдмаршалы иноземцы, чего с начатия России и при милостивейшем отце нашем императоре Петре Великом не было. Пошли мы под командою его, Миниха, в Крым, вышли в степь пустую, и стал Миних российских людей перебирать, штаб - и обер-офицеров штрафовать, в солдаты без суда писать и самых старых и заслуженных полковников пред фрунтом армии под ружьем водить, а все за безделицу: увидит, что у офицеров галстук небелый или ненапудренный, а в степи кому на это смотреть... Вот Петра Великого законы начали уничтоживать... Провианту у нас уже ничего не стало; люди стали ослабевать и с голоду помирать; Миних на то ни на что не смотрит. Хотя многих мертвых старых солдат, пред собою лежащих, видит, никогда не сожалел, ибо не его крестьяне и не с его деревни взяты, а российских дворян он ни одного в свойстве себе не имеет - чего их жалеть? Не вечно думал в России жить, только бы ко двору о своих храбрых поступках реляцию сообщить и от того славу и богатство себе получить. И при дворе в то время кому было рассуждать? Главные правители - немцы, его други и родственники, а российских генералов, сенаторов они тогда за людей не почитали, того и смотрели, как бы кому голову отсечь, а по малой мере в ссылку сослать. О невозможности российских людей Он, Миних, и слышать не хотел и часто говаривал: "А, а батюшка! у русских людей невозможности нет..." Дворяне бедные, которые в полках служили, так загнаны были, что уж ничего не желали, только бы сыскать дорогу в отставку, понеже их в чины не производил, а кого и производил, разве за недостатком немцев, и как он, Миних, так и прочие тогдашние генералы-немцы ругали их и обижали, дураками и скотом прозывали и до того довели, что в ином полку ни одного российского офицера не было, и откуда какой немчин приехал, пожалуй, его генералом, полковником, штаб-офицером, а по последней мере в капитаны, также в штатские чины; уже они всех российских дел управители стали, и в Курляндии гезелей и мясников немного осталось - все в офицерах. В Митаве случилось с нарочитым купцом мне говорить, и дошла речь до офицерства, он мне сказал: "У вас-де в армии бывших при мне гезелей и разночинцев больше дюжины в штаб-офицерах ныне служат: разве у вас российских достойных дворян не стало?" *Симон*: Скажи, пожалуй, были ли с ним, Минихом, в тех походах наши российские генералы и для чего ему, Миниху, о таких непорядочных поступках не говорили? *Яков*: Тогда с ним были почти все генералы-немцы, его союзники и единой веры, а именно: два Бирона, Левендаль и прочие, а российских полковых генералов один Румянцев, и хотя он человек добрый, храбрый и умный, свидетельствованный министр

и любимый генерал-адъютант государя императора Петра Великого и ныне со шведами в Абове на конгрессе мир учинил; да что ему было делать? Вся пленipotенция Миниху предана: российских полковников расстреливал, а генералов в солдаты писал; Румянцев так от него всегда ожидал смертной напасти. В то время будучи в хотинском походе, призвал Миних к себе с прочими генерала Румянцева на консилиум; Румянцев намерению его прекословил, а предлагал о целости российского интереса, за то Миних так на него осерчал, что из палатки своей такого честного и верного человека нечестно выслал да неоднократно на него к двору писал и бездельные следствия за ним учинял; только сего доброго человека и Российского отечества сына за его правду и добрые дела от такого злоковарного человека сам бог закрыл и до погибели не допустил... После же оной турецкой войны, как объявили нам о кончине покойной императрицы Анны, а Бирона правителем Российского государства, так у меня, братец, по коже подрало, как медвежьим ногтем: вот теперь бедная Россия попала из лихорадки в горячку; прости, наша православная вера, церковные учителя! И так десять лет почти молчали, а ныне уже и ничего говорить не будут. Прости, российское верное дворянство, Петром Великим наученное солдатство! Десять лет вы забыты и уничтожены были, а ныне конец вам и всем славным делам вашим приходит. Простите, от Петра Великого насажденные фабрики и мануфактуры и все премудрые науки: чужеземцы обладают! Вот скоро велят нам забыть законы и дела Петровы, а учинять новые интриги. Притом же и прочие мои братья, верные Российского отечества дети, сердечно и болезненно о том сожалели по законной наследнице государыне цесаревне Елисавете Петровне, еже ей-ей, братец, многожды со слезами вспомянули: не родителя ли ее все то, чем ныне иноплеменники владеют?... Вот после того услышали вскоре, что Миних Бирона арестовал и в ссылку послал со всей его креатурой, в том числе и пруссак Бисмарк; а мы, российские солдаты, сошлись, между собою тихонько пошептали: стал гонить черт дьявола, и обоим не миновать; да рубил татарин татарина, а оба в России не надобны... Всемогущий бог коварные советы языков разоряет, духом своим святым возводит дух Петра Великого, живущий в дочери его; подал ей вырвать из чужих рук скипетр отца ее и избавить от насилия и обиды, учиненной российскому дворянству и всему народу, которых он, Петр Великий, научил и кровавым своим потом и трудами людьми учинил, которых прежние наши немецкие правители порицали, что нет из русских достойного ни одного человека и ни в какой чин не годны; а Петр Великий из своих природных россиян учреждал генералов-фельдмаршалов, генералов-адмиралов, министров, сенаторов и президентов, да интерес его в целости сохраняли и многими народами обладали".

Мир с Швециею был заключен; но по его поводу вооружилась Дания, и на спрос шведского посла, что значат эти вооружения, ему отвечали, что они предпринимаются для собственной безопасности, ибо по письмам из Гамбурга, Киля и Стокгольма от Дании потребуют возвращения Шлезвига, что об этом толкует Бухвальд. Получив донесение об этом из Абова,

Бестужев заметил: "Сии скоропостижные голштинские угрозы впутать могут в новую войну, которая без всякой прибыли удаления ради еще тяжелее прежней будет". Шведское правительство требовало, чтоб корабельный русский флот подался поближе к Зунду для воспрепятствования выходу датского флота и обеспечения переезда герцога-администратора в Швецию; требовало также, чтоб шедшая из Архангельска эскадра и бывшая в Зунде возвратилась в Немецкое море и крейсировала против Норвегии для воспрепятствования датскому транспорту, а зимовать она могла бы в шведской гавани Марштранде. На это Бестужев заметил: "Время позднее, разве людей поморить и флот разорить; к тому ж в чужой гавани кроме отваги (опасности) содержать зиму не в одни сто тысяч рублей станет". Румянцев и Любрас писали императрице: "Сколько мы из слов шведов здесь заключить могли, они не прочь, чтоб его имп. высочество (Петр Федорович) Голштинию Дании уступил, ибо они уже толковали, что по законам Римской империи греческой веры государь в Германии владеть не может; из этого видно, что шведы рады были бы этим способом датский двор удовлетворить и успокоить". Шведские уполномоченные в Абовене переставали толковать об опасности и требовать русской помощи; кроме флота стали требовать, чтоб Россия высадила в Швецию и сухопутное войско от семи до осьми тысяч не только против датчан, но и для поддержания внутренней тишины в Швеции; объявляли, что у них есть полки, на которые положиться нельзя, что датский двор полагает надежду, во-первых, на партию между крестьянами, которая непременно соединится с датским войском; во-вторых, на какую-то большую революцию в России, ибо датские министры сказали шведскому послу, стращавшему их силою России: "Правда, Россия сильна, но она привыкла к революциям, и он, посол, не знает, какая в ней скоро перемена может последовать".

Вследствие этих известий лица, которые прежде собирались для обсуждения мирных условий, 22 августа получили указ императрицы: "Понеже получили мы от наших полномочных министров из Абова реляции, что шведы в случае ныне чинимого от датчан к нападению приготовления просят нашей помощи: того для повелеваем по оной реляции иметь совет, что и как возможно делать к помощи шведам, и чтоб оное с нашею честью и интересом государственным сходно могло быть и чтоб оной совет учинить немедленно и нам донести, ибо время коротко остается. Елисавет". Рассудили согласно подать ее величеству мнение: 1) не соизволено ль будет ныне 30 галер под командою генерала Кейта обратно отправить к Гельсингфорсу и быть им там до наступления больших холодов и тогда перейти к Ревелю и там зимовать. 2) Корабельному флоту под начальством адмирала Головина пробить сентябрь в море, идти ему до Карлскроны и по возможности далее для соединения со шведским флотом и для прикрытия транспорта избранного наследника шведской короны, а в случае нападения датского флота на шведов защищать последних и никаких датских транспортов к шведским берегам не допускать. Но 3 сентября собрание уже решило: генералу Кейту

с полками на галерах идти немедленно от Гельсингфорса к Стокгольму и там зимовать.

Герцог-администратор, получивши от русского двора на проезд 50000 рублей, благополучно достиг Стокгольма, куда с поздравлением к нему отправлен был из Копенгагена действительный камергер Николай Корф. 21 ноября Корф имел аудиенцию у принца, который объявил ему, что он такой милости от императрицы не достоин, что к нему прислан он, Корф, с поздравлением и за свое настоящее положение после бога он должен благодарить одну императрицу; благодарность эту словами он изобразить не может и поручает себя императорской милости и покровительству. 30 ноября два русских полка, Ростовский и Казанский, имели торжественный вход в Стокгольм с музыкою и распущенными знаменами. Старый король выражал большое удовольствие, и все удивлялись бодрому и военнo-храброму виду солдат, которые, несмотря на продолжительное и трудное пребывание на галерах, шли бодро и в хорошем порядке. Король говорил: "Я очень доволен, что прежде смерти имею счастье видеть перед собою и под своею командою войска столь могущественной и славной императрицы, и в случае нужды я никому не уступлю чести командовать ими". Получая от Корфа и Кейта грамоту императрицы, король целовал ее.

Бывшая до сих пор в гонении партия противников русской войны торжествовала и хотела упрочить свое торжество совершенным отстранением французского влияния как в Швеции, так и в России. Члены этой партии вместе с саксонским резидентом Вальтером уверяли Корфа, что Шетарди хвастается получением полного успеха в Петербурге милостью императрицы, но в то же время *продерзостно* отзывается, что если Елисавета не захочет принять его внушений и проектов, то он знает средство свергнуть ее, как прежде помогал ее возведению на престол, хотя в последнем случае помогала ей более судьба, чем он, потому что ему, собственно, нужно было произвести в России внутренний раздор и замешательства. Шетарди же отзывался, что он в силу своего кредита при императрице поднял Бестужевых, Бреверна и Воронцова для привлечения их на французскую сторону; но так как они вместо благодарности за то, что он вывел их из грязи, не оказали никакого содействия его видам, то он будет стараться лишить их кредита и привести в немилость, и если можно, то лишит их доброго имени и жизни. Члены старой русской партии просили Корфа, чтоб к ним прислан был министр, который бы мог добрых патриотов защищать и подкреплять, а приверженцев Франции держать в узде. Добрые патриоты указывали на Михайлу Бестужева как человека, знающего французскую партию и интриги.

Франция выдала Швецию, как прежде выдала Польшу, хотя, с другой стороны, надобно заметить, что во Франции никак не могли думать, что Швеция так позорно повела свои дела в Финляндии. Как бы то ни было, Франция не могла подать ей никакой помощи, потому что сама дурно вела свои дела в войне с Мариєю Терезиею. Относительно севера Франции

теперь оставалось одно - хлопотать при русском дворе, чтоб он не соединился с морскими державами для подания помощи королеве венгерской: относительно же Швеции стараться, или по крайней мере показывать вид, что старается, доставить Швеции наименее невыгодный мир под условием требуемого Россиею избрания Голштинского принца в наследники шведского престола. После отъезда Шетарди полномочным министром Франции в Петербурге остался Дальон. бывший в России и при Шетарди, знавший хорошо дела и людей. Но в Петербурге жалели о Шетарди. Императрица скучала, не встречаясь более с человеком, который умел так забавлять своими шутками и рассказами; Лесток и Брюммер, разумеется, не упускали случая усиливать желание видеть снова веселого собеседника.

Еще в конце 1742 г. Кантемир получил от своего двора рескрипт, в котором приказывалось ему домогаться всевозможными способами о возвращении маркиза Шетарди в Россию, и если этого достигнуть нельзя, то молчать о назначении другого министра на место Дальона. Никаких домогательств, по-видимому, употреблять не было нужды: сам Шетарди охотно соглашался на возвращение. Амелот также, и, однако, проходили месяцы, а Шетарди не возвращался; быть может, мешало этому условие, без сомнения придуманное Бестужевым, что императрица не примет Шетарди в официальном значении, если в присланных с ним королевских грамотах ей не будет дан императорский титул. Медленность Шетарди оскорбила императрицу, так что она запретила Кантемиру настаивать на его возвращении в Россию. В январе 1743 года умер кардинал Флёрис от старости и с горя, что Франция запуталась в войну, из которой не могла выйти с честью и пользою. Король объявил, что первого министра более не будет. Между тем у Кантемира с Амелотом шли важные объяснения относительно избрания наследника шведского престола; Амелот объявил, что Франция исключает только принца Гессен-Кассельского по преданности его английскому двору; всякий же другой принц будет одинаково приятен Франции; король особенно желает, чтоб его поведение в этом деле было приятно русской государыне, и потому было бы очень нужно дать поскорее сюда знать о ее намерениях. Кантемир доносил своему двору, что для Франции всего был бы приятнее принц Цвейбрюкенский, но если он невозможен, то она охотно признает и герцога епископа Любского. Кантемир старался сблизиться с генерал-контролером Орри по его сильному влиянию на дела. Орри заявил, что он всегда был в пользу дружбы Франции с Россиею, но теперь находит препятствие к этой дружбе в союзных договорах России с Англиею и королевою венгробогемскою, также в запрещении русским подданным носить платье из богатых материй, что вредит французской торговле и, конечно, внушено англичанами. Кантемир возражал на это, что союзы России с иностранными державами суть союзы оборонительные, безо всякого предосуждения для третьей державы, что он сам, Орри, должен согласиться, как при нынешнем положении северный союз с Англиею выгоден для России, а союз с королевою венгерскою нужен для всего

христианства для сдержания турецкого могущества; что же касается до запрещения употреблять богатые материи на платье, то оно основано на одной пользе русского народа и не есть следствие каких-нибудь чуждых внушений. Орри согласился с справедливостью этих объяснений и полагал, что нужно начать с трактата дружбы между Францией и Россией, а затем приступить к союзному или торговому.

Но прежде всего нужно было решить шведское дело. Кантемир наконец объявил Амелоту, что кандидат императрицы есть епископ Любский, в пользу которого, однако, Россия будет употреблять только хорошие услуги. "Это я понимаю, - отвечал Амелот, - но вот чего не понимаю: русский двор находится с английским двором в более тесной связи, чем с здешним, и, несмотря на то, здешний двор готов содействовать желанию русской государыни, тогда как английский министр в Стокгольме не жалеет ни денег, ни трудов, чтоб не допустить до избрания епископа Любского: хотелось бы мне знать, каким образом русский двор в этом случае соглашается с английским?"

Кантемир отвечал, что тут нет ничего удивительного: каждому государю естественно желать, чтоб избрание пало на человека, ему приятного, и разногласие в одном деле не ведет еще к нарушению согласия в других, если для достижения своих целей дворы употребляют только хорошие услуги. Амелот спросил также, будет ли дело избрания соединено с делом примирения, потому что в таком случае желаемая Россией особа, смотря по мирным условиям, может надеяться успеха, и если бы условия были выгодны для шведского двора, то он бы, Амелот, стал советовать шведскому министерству не отлагать избрания епископа Любского. Кантемир отвечал, что не знает, намерена ли императрица связать эти два дела, но, сколько может судить, не думает, чтоб она намерена была дорого купить избрание епископа Любского. При этом Кантемир писал своему двору: "Из всех этих часто повторяемых внушений Амелота я заключаю: первое, что из боязни усиления партии принца Гессен-Кассельского стараются тревожить русский двор и заставить его препятствовать английскому проекту: второе, что желали бы здесь каким-нибудь образом восстановить свой кредит в Швеции, соединив дело примирения с делом избрания, в надежде, что таким способом можно будет шведскому двору доставить более выгодные условия, и в последнем отношении я признаю согласным с русскими интересами не подавать Амелоту никакой надежды; хотя я замечаю теперь в здешнем министерстве лучшее расположение к России, однако я остаюсь при прежнем своем мнении, что во всех поступках французского министерства преследуется одна своя польза, определяемая врожденным народу высокомыслием; следовательно, легко будет отложить дело вступления в союз с здешним двором, учтиво избегая по этому делу объяснений с министрами. Здешнее лучшее расположение к России происходит от дурного состояния здешних дел или от желания разлучить Россию с прочими державами. По первому обстоятельству мне кажется, что, каковы бы ни были поступки русского двора, здешний

принужден сносить их терпеливо, да и жалобы его можно принимать равно душно".

После заключения Абовского мира Кантемир писал: "Насколько ваше императорское величество больше славы получает и насколько основывается тишина в государстве вашем и безопасность на будущее время, настолько двор здешний менее доволен такою удачею вашею, ибо, с одной стороны, предусматривается, что кредит французский на севере должен очень убавиться, а с другой - бояться, что ваше величество получаете возможность помочь королеве венгерской, что было бы верхом здешних несчастий. Этому страху я должен приписать усиленное внимание ко мне здешнего министерства. Состояние здешних дел столь плохо, что никакими усилиями не могут привести в безопасность свои границы; государство истощено деньгами и людьми, военные силы недостаточны, министерство слабое и для таких важных действий неспособное, генералы неискусные, народ бедный и недовольный. король пренебрегает делами".

В августе Кантемир обедал у генерал-контролера Орри, который, заведя речь о движении короля датского против Швеции. сказал: "Принимая во внимание слабость короля датского и отсутствие всякой надежды на помощь какой-нибудь иностранной державы, надобно опасаться, что он надеется на какую-нибудь революцию в России. О такой революции приходят слухи со всех сторон, как уже ее величеству отсюда много раз было сообщено, и я считаю нужным еще повторить, чтоб ее величество обратила должное внимание на эти слухи". Кантемир отвечал, что он получил от своего двора доказательство ложности всех этих слухов. Извещая об этом разговоре, Кантемир писал: "Прежние поступки здешнего двора не позволяют мне допустить, чтоб подаваемые отсюда известия о предстоящей революции в России происходили от здешнего доброго расположения к вашему величеству. Известно, каковы были всегда здешние происки против наших интересов при Порте: в Швеции и других местах по смерти кардинала Флёрн злорадность здешняя прекратилась бы, если бы ваше величество совершенно предалось в здешние руки, как тогда, и надежду имели; но теперь нельзя ожидать никаких знаков здешней благосклонности, когда здесь почти уверены, что Россия к будущей весне присоединит свое войско к войску союзников королевы венгерской; следовательно, здешние сообщения о революции делаются или для того, чтоб, заставив ваше величество заботиться о внутренней тишине государства, отнять у вас охоту присоединиться к союзникам королевы венгерской, или отвратить от себя всякое подозрение, в случае если бы действительно в России произошла какая-нибудь смута".

Донесения Кантемира служили твердою опорой для Бестужева, который прямо представлял императрице, что на французские отношения надобно смотреть на основании донесений Кантемира: он один может доставлять верные сведения, а никак не петербургские советники императрицы, которые издали не могут иметь ясного понятия о делах. Бестужев

намекал на Лестока и Брюммера, к которым, естественно, примыкал и Дальон, пользовавшийся по старой памяти расположением императрицы. В начале июля Дальон доносил своему правительству следующее: "29 июня был бал, на котором ее величество мне рассказывала, что она, гуляя накануне в своем саду, встретила гвардейского солдата, который подошел к ней со слезами на глазах и объявил, что разглашается, будто бы она своих верных подданных хочет оставить и уступить корону племяннику своему. Я, говорила Елисавета, никогда в таком удивлении не была и сказала солдату, что это совершенная ложь и позволяю ему каждого, который станет то же говорить, застрелить, хотя бы то и фельдмаршал был. Она рассказывала это и г. Брюммеру, который ей представил, что подобные разглашения имеют одну цель - возбудить несогласие между нею и великим князем; из этого видно, как нужно приставить к молодому принцу таких людей, на которых она могла бы совершенно положиться. А я ей сказал, что этот слух носится уже недели с три".

Дальон хвалился своему правительству, что он вместе с Брюммером и Лестоком имел важное влияние на решение шведских дел, невзирая на кредит Бестужевых и интриги английского посланника Вейча. "Мы все проекты о супружестве между епископом Любским и английскою принцессою опровергаем. Господа Брюммер и Лесток мне сказали, что они недавно склонили царицу писать принцу, чтоб он не думал более об этом браке. Оба по моему наущению и собственным выгодам удвояют усилия, чтоб низвергнуть Бестужевых; они с нетерпением ожидают возвращения уполномоченных из Абова, которые должны открыть довольно тайн и неправильных поступков; намерение Брюммера и Лестока состоит в том чтоб по низвержении Бестужевых поручить заведование иностранными делами генералу Румянцеву, господину Нарышкину, который уже сюда едет, и князю Кантемиру, которого возвратят из Франции". Действительно, камергер Семен Нарышкин, посланник в Лондоне, был отозван оттуда; но Кантемира, страдавшего смертельною болезнью, возвратить не успели. Уведомляя свой двор об уменьшении кредита обер-гофмаршала Мих. Петр. Бестужева, Дальон писал: "Кредит гофмаршала, правда, много упал, но он опять поднимется; это такой человек, которого поневоле надобно будет чрез неприятелей его погубить, или же он в этом государстве будет играть важную игру". В половине августа Дальон доносил: "Царица имеет твердое намерение поддерживать в Швеции принца Голштинского, хотя нет таких способов, каких бы вице-канцлер тайно не употреблял, чтоб удержать ее от серьезного вмешательства в дело, но голос его и шайки его уже очень слаб теперь. В случае перемены в министерстве генерал Румянцев будет иметь большое участие в новых распоряжениях, и хотя он сам по себе не склонен к французам, но можно обнадежиться его женою, интриганкою и очень ловкою госпожою. Вейч уже начинает за ней ухаживать".

"Голос Бестужева и его шайки очень слаб теперь". Отчего же произошла эта слабость?

21 июля по Петербургу разнесся слух, что открыт какой-то важный заговор. Лесток прискакал из Петергофа в Петербург: императрица, находившаяся в этот день инкогнито в Петербурге, осталась здесь, не поехала в Петергоф, хотя лошади уже были приготовлены; ночью по улицам разъезжали патрули. Прошло три дня в беспокойном ожидании; наконец 25 числа, в пятом часу пополуночи, генерал Ушаков, генерал-прокурор князь Трубецкой и капитан гвардии Григорий Протасов арестовали подполковника Ивана Лопухина, сына бывшего генерал-кригс-комиссара Лопухина, близкого человека к Левенвольду и попавшего под опалу вместе с ним; к матери Ивана Лопухина Наталье приставлен караул, и письма их запечатаны. В тот же день спрошены были доносчики - поручик лейб-кирасирского полка Бергер, родом курляндец, и майор Фалькенберг - и объявили следующее: поручик Бергер сказал, что 17 числа был он в вольном доме, где был также и подполковник Иван Степанов Лопухин; из вольного дома пошли они в дом к Лопухину, где хозяин наедине жаловался ему на свою обиду: "Был я при дворе принцессы Анны камер-юнкером в ранге полковничьем, а теперь определен в подполковники, и то не знаю куда; каналы Лялин и Сиверс в чины произведены; один из матросов, а другой из кофешенков за скверное дело. Государыня ездит в Царское Село и напивается, любит английское пиво и для того берет с собою непотребных людей... ей наследницею и быть было нельзя, потому что она незаконнорожденная. Рижский караул, который у императора Иоанна и у матери его, очень к императору склонен, а нынешней государыне с тремястами каналами ее лейб-компания что сделать? Прежний караул был и крепче, да и сделали, а теперь перемене легко сделаться; если б и тогда Петру Семеновичу Солтыкову можно было выйти, то он бы и сам ударил в барабан; за то его тогда и от двора отрешили. Будет чрез несколько месяцев перемена; отец мой писал к матери моей, чтоб я никакой милости у государыни не искал, поэтому и мать моя ко двору не ездит, да и я, после того как был в последнем маскараде, ко двору не хожу". Идучи с Бергером 21 числа мимо дома фельдмаршала князя Трубецкого, Лопухин бранил последнего, также принца Гессен-Гомбургского, и говорил: "Нынешняя государыня больше любит простой народ, потому что сама просто живет, а большие все ее не любят".

По доносу Фалкенберга Лопухин говорил: "Нынешние управители государственные все негодные, не так как прежние были Остерман и Левольд, только Лесток - проворная каналья. Императору Иоанну будет король прусский помогать, а наши, надеюсь, за ружье не примутся". На вопрос Фалкенберга, скоро ли это будет, отвечал: "Скоро будет". Фалкенберг при этом сказал ему, что когда дело благополучно кончится, то он бы его вспомнил, и Лопухин обещал вспомнить. Фалкенберг спросил: "Нет ли кого побольше, к кому бы заранее забежать?" На это сначала Лопухин ничего не отвечал, только пожал плечами; но потом сказал, что австрийский посланник маркиз Ботта императору Иоанну верный слуга и доброжелатель.

В тот же день Лопухин был допрошен в присутствии Ушакова, Трубецкого и Лестока и повинился: "Говорил в поношение ее величества, что изволит ездить в Царское Село для того, что любит английское пиво кушать; я же говорил, что ее величество до вступления родителей ее в брак за три года родилась; и те слова употреблял, что под бабьим правлением находимся, а больше того никаких поносительных слов не говорил, а учинил ту продерзость, думая быть перемене, чему и радовался, что будет нам благополучие, как и прежде". Относительно Ботты Лопухин заперся и сказал: "Фалкенберг говорил: "Должно быть, маркиз Ботта не хотел денег терять, а то бы он принцессу Анну и принца выручил". - И я против того молвил, что может статься". После очной ставки с доносителями Лопухин во всем повинился. От него потребовали, чтоб открыл все о злых умыслах; он попросил времени обдумать и на другой день, 26 июля, сказал: "В Москве приезжал к матери моей маркиз Ботта, и после его отъезда мать пересказывала мне слова Ботты, что он до тех пор не успокоится, пока не поможет принцессе Анне. Ботта говорил, что и прусский король будет ей помогать, и он, Ботта, станет о том стараться. Те же слова пересказывала моя мать графине Анне Гавриловне Бестужевой, когда та была у нее с дочерью Настасьею. Я слышал от отца и матери, как они против прежнего обижены: без вины деревня отнята, отец без награждения отставлен, сын из полковников в подполковники определен".

Привели к допросу мать Наталью Федоровну Лопухину; она объявила: "Маркиз Ботта ко мне в дом ездил и говаривал, что отъезжает в Берлин; я его спросила: зачем? Конечно, ты что-нибудь задумал? Он отвечал: так хотя бы я что и задумал, но об этом с вами говорить не стану. Слова, что до тех пор не успокоится, пока не поможет принцессе Анне, я от него слышала и на то ему говорила, чтоб они не заварили каши и в России беспокойств не делали и старался бы он об одном, чтоб принцессу с сыном освободили и отпустили к деверю ее, а говорила это, жалея о принцессе за ее большую ко мне милость. Ботта говорил также, что будет стараться возвести на русский престол принцессу Анну, только я на это ему, кроме объявленного, ничего не сказала. Муж мой об этом ничего не знал. С графинею Анною Бестужевою мы разговор имели о словах Ботты, и она говорила, что у нее Ботта то же говорил". Лопухину допрашивали в ее доме.

Допросили графиню Анну Гавриловну Бестужеву, жену Михайлы Петровича (вдову Ягужинскую, урожденную графиню Головкину). Та сказала только: "Говаривала я не тайно: дай бог, когда бы их (Брауншвейгскую фамилию) в отечество отпустили!" Но дочь ее, Настасья Ягужинская, подтвердила показание Лопухиной. После этих допросов Ивана Лопухина, его мать и Бестужеву посадили в крепость, а дочь Бестужевой оставили в доме под караулом. В крепости Наталья Лопухина призналась: "Такие разговоры Ботта и при муже моем держал, и как мы его подлиннее допрашивали, то он отозвался: вот захотели, чтоб я вам, русским, и о том рассказал! Причем меня и выбранил".

Иван Лопухин был приведен в застенки, где прибавил, что Бестужева говорила его матери: "Ох, Натальюшка! Ботта-то и страшен, а иногда и увеселит". 27 июля поручик Машков объявил, что Лопухин говорил ему: "Сказывал матери моей Александр Зыбин, что принцессу скоро отпустят в отечество брауншвейгское, а с нею и прежний ее штат, в том числе и молодого Миниха; я для того и от службы отбываю, что, как это сделается, и я при ней по-прежнему буду камер-юнкером. Не бойся, Машков! Может быть, принцесса по-прежнему будет здесь, и тогда счастье получим. А ежели принцесса освобождена не будет, то надеюсь, что война будет; а когда меня пошлют, то я драться не буду, а уйду в прусское войско: разве мне самому против себя драться? Думаю, что и многие драться не станут". На другой день призван был к допросу Зыбин и сказал: "О принцессе и принце от Натальи Лопухиной я слышал: она их жалела и желала, чтоб им быть по-прежнему; от таких слов я ее унимал, говоря, что я могу от них пропасть, на что она сказала: разве тебе будет первый кнут?"

В тот же день была очная ставка Бестужевой с Лопухиными, и Бестужева призналась во всем, что показали Лопухины. 29 июля были допрошены конной гвардии вице-ротмистр Лилиенфельд, того же полка адъютант Степан Колычов и жена камергера Лилиенфельда Софья Васильевна. Двое первых не показали ничего нового; Софья Лилиенфельд объявила: "С маркизом Боттою я встречалась в домах Бестужевой и Лопухиной и слышала, как он с сожалением говорил, что принцесса неосторожно жила, отчего и правление потеряла, всегда слушалась фрейлины Юлии, на что мы ему отвечали, что то совершенная правда, сама она принцесса пропала и нас погубила, в подозрение нынешней государыне привела. Говаривали при мне графиня Бестужева с Лопухиной, что ее величество непорядочно и просто живет, всюду беспрестанно ездит и бегаёт. Говаривали про принцессу: лучше б нам было, когда б она была; может быть, это и сделается, а когда не сделается, то хотя б ее отпустили". Софья Лилиенфельд оговорила камергера князя Сергея Васильевича Гагарина, но тот во всем заперся, равно как и камергер Лилиенфельд. Иван Лопухин поднят был на дыбу и получил одиннадцать ударов, но не прибавил ничего больше к своему показанию. 11 августа его снова пытали, дали 9 ударов, и опять никаких новых признаний.

Отец его Степан Лопухин в допросе сказал: "Маркиз Ботта у меня часто бывал и говаривал о принцессе, что лучше б и покойнее было, если б она оставалась правительницею, а теперь такие беспорядки происходят, министров прежних всех разослали, после императрица будет о них и тужить, да взять будет негде; на это и я говорил, что правда, но говорил, что и тогда было не совсем хорошо, завладели было немцы, потому что принцесса никуда не выхаживала. Что ее величеством я недоволен и обижен, об этом с женою своею я говаривал и неудовольствие причитал такое, что безвинно был арестован и без награждения рангом отставлен; а чтоб принцессе быть по-прежнему, желал я для того, что при ней мне будет лучше, а что присягу свою презрел, в том приношу мою пред ее"

величеством вину. Говорил я про сенаторов, что ныне путных мало, а прочие все дураки, что дела не делают и тем приводят ее величество народу в озлобление. Когда император Петр II скончался, тогда меня призвали фельдмаршал князь Голицын, князь Дмитрий Голицын да фельдмаршал князь Долгорукий и спрашивали, не подписывал ли его величество какой духовной? И я сказал: не видал. И притом они имели рассуждение, кого выбрать на престол, и сперва говорили о царице Евдокии Феодоровне, что она уже стара, потом о царевнах Екатерине и Прасковье, что их нельзя, сказав некоторые слова непристойные; потом о ее величестве молвил из них, помнится, фельдмаршал князь Долгорукий, что она родилась до брака, и за тем, и за другим, сказав еще некоторые непристойные слова, выбрать нельзя, и потом положили намерение к выбору императрицы Анны". 17 августа Степан Лопухин был поднят на дыбу, висел десять минут и ничего нового не сказал. Потом подняты были на дыбу жена его Наталья и графиня Бестужева и также не прибавили ничего к прежним показаниям.

Следователи спрашивали императрицу, что Софья Лилиенфельд больна (беременна) и потому нужно ли делать ей очную ставку с оговоренными ею? Елисавета собственноручно написала: "Сие дело мне пришло в память, когда она Лилиенфельдова жена показала на Гагарина и жену его, то надлежит их в крепость всех взять и очную ставкою производить, несмотря на ее болезнь, понеже коли они государево здоровье пренебрегали, то плутов и наипаче жалеть не для чего, лучше чтоб и век их не слышать, нежели еще от них плодов ждать".

Кроме упомянутых лиц привлечены были к делу князь Иван Путятин, подпоручик Нил Акинфов, дворянин Николай Ржевский. Учрежденное в Сенате генеральное собрание (в котором были и духовные лица: троцкий архимандрит Кирилл, суздальский епископ Симон, псковский епископ Стефан) 19 августа положило сентенцию: Лопухиных всех троих и Анну Бестужеву казнить смертью, колесовать, вырезав язык. Ивана Мошкова, Александра Зыбина, князя Ивана Путятина, Софью Лилиенфельд казнить смертью - Мошкова и Путятина четвертовать, Зыбину и Лилиенфельд отсечь голову за то, что, слыша опасные разговоры, не доносили. Камергера Лилиенфельда за нерадение о том, что слышал от жены, лиша всех чинов, сослать в деревню; вице-ротмистра Лилиенфельда, подпоручика Акинфова и адъютанта Колычова определить в армейские полки; дворянина Ржевского высечь плетьюми и написать в матросы. Императрица изменила эту сентенцию таким образом: троих Лопухиных и Анну Бестужеву высечь кнутом и, урезав языки, послать в ссылку; Мошкова и Путятина высечь кнутом, Зыбина - плетьюми и послать в ссылку, Софью Лилиенфельд, пока не разрешится от бремени, не наказывать, а только объявить, что велено ее высечь плетьюми и послать в ссылку. Имение всех означенных конфисковать. Прочим учинить по сентенции, только Ржевского написать в матросы без наказания. Экзекуция учинена была на публичном месте, перед коллежскими апартаментами. В Сибири

сосланных держали под караулом; на содержание давали каждому в день по рублю; но Ивану Лопухину, Мошкову и Путятину давали по 50 копеек; для прислуги при Степане Лопухине с женою было отправлено четыре человека, двое мужчин и две женщины, из них один повар; при Анне Бестужевой и Софье Лилиенфельд - по четыре человека при каждой, при Зыбине - два человека, при Иване Лопухине, Мошкове и Путятине - по одному; прислуга получала по десяти копеек на день.

Люди, дурно отзывавшиеся о поведении императрицы, жалевшие о падшем правительстве, желавшие его восстановления и питавшие надежду на это восстановление, были наказаны. Но кто возбуждал в них эту надежду, *увеселял* их? Маркиз Ботта - посланник венгерской королевы.

В сентябре Ланчинский изложил канцлеру Улефельду причины неудовольствия своего двора на маркиза Ботту. Улефельд, выслушав все молчаливо и с печальным лицом, сказал: "Никак я этого не ожидал: как государственный канцлер, имея в руках все реляции маркиза Ботты, могу засвидетельствовать, что он ревностно исполнял и исполняет инструкции королевы относительно дружественных и союзнических чувств ее к вашей государыне; в его реляциях не видно ни малейшего неудовольствия или злого намерения, о происшествиях же рассказывает просто, как что было". Ланчинский отвечал, что жалоба не на реляции, а на богомерзкие, неоднократные в конфиденциальных обхождениях имевшиеся разговоры, на предерзостные слова, ругательные выражения и злостные намерения, которые должны быть исследованы в Берлине. Улефельд возражал, что надобно и другую сторону выслушать, знатного ранга персон. Несколько времени спустя Улефельд объяснил Ланчинскому, что королева очень огорчена неудовольствием императрицы, которой дружбу особенно ценит и старается поддерживать союзнические обязательства; но маркиза Ботту до выслушания от него ответа ни обвинить, ни оправдать не может, в чем полагается на правосудие императрицы. Ланчинский отвечал, что, по имеющимся достовернейшим доказательствам, Ботта оправдаться не может.

В октябре Ланчинский имел разговор с самою королевой. Жалобным голосом начала речь Мария Терезия: "Неприятели мои для повреждения нашей с российской императрицею дружбы нанесли на маркиза Ботту затаенные, но тяжкие вины; а он человек разумный; как он мог так постыдно вмешиваться в Петербурге во внутренние дела?" Ланчинский отвечал, что его государыня никак бы не поверила известиям о таких поступках Ботты, если б не были ей представлены ясные доказательства. Королева возразила: "Что касается доказательств, то преступники из страха могли наказать на Ботту, а другое нанесено от моих неприятелей, и как мне им пожертвовать, не выслушавши его оправданий? И в Константинополе, и в Швеции усердно старалась я в пользу вашей императрицы: однако неприятели своими ковами и внушениями явно берут верх". Граф Улефельд говорил Ланчинскому, что в Париже делу Ботты радуются больше, чем победе

своего войска, и хвалятся, что теперь могут разрушить дружбу и союз между Россией и Австриею.

Когда Ботта приехал из Берлина, то из Вены в Петербург пошло требование подробных доказательств его вины, а между тем ко всем министрам королевы при иностранных дворах разослан был циркуляр, в котором оправдывали Ботту и нарекали на русский двор, который вопреки справедливости выставил его виновным в манифесте о преступлении Лопухиной. Циркуляр возбудил сильное раздражение в Петербурге, что видно из рескрипта императрицы к Ланчинскому:

"Мы никак не могли думать, чтоб старание оправдать Ботту зашло в Вене так далеко, что отложили в сторону всякое уважение к нам и над нашею собственною особою захотели выместить за мнимую несправедливость, оказанную Ботте. Партия, кажется, неравная - мы и маркиз Ботта; однако Ботту во что бы то ни стало хотят оправдать, тогда как невинность его и несправедливость нашей жалобы основывается на одном - на установленной при венском дворе беспорочной репутации маркиза; повреждение этой репутации считается нарушением всех естественных народных прав, тогда как оскорбление нашей высочайшей особы поставляется очень легким делом. Невинность Ботты в Вене доказывается: 1) приобретенною репутациею; 2) данными ему от королевы указами; 3) свидетельством берлинского двора и обстоятельствами тамошнего министерства Ботты; 4) отсутствием письменных улик; против маркиза имеются только допросные речи некоторых преступников, которые будто по принуждению, по интригам и пристрастью или в надежде избежать тяжкого наказания весьма легко могли быть приведены к ложному оговору. Что касается первого пункта, то мы не хотим оспаривать прежних услуг маркиза Ботты; утверждаем только одно, что у нас он мало старался о поддержании своей великой репутации, ибо он не только при прежнем здесь правлении довольно известным и явным образом во многие интриги против нас вмешивался, но продолжал такой же способ действия и после нашего законного вступления на престол. Мы никогда не сомневались, что данные ему от королевы указы и инструкции предписывали ему совершенно другой способ действия; но это его нисколько не оправдывает, напротив, подвергает наказанию; что касается его поведения при прусском дворе, то, по объявлению последнего, хотя маркиз Ботта и не сделал самому королю никаких обвиняющих его предложений, однако в разговорах с другими очень часто отзывался о необходимой вскоре революции в России. Наконец, относительно недостаточности доказательств вины, взятых из допросных речей, которые могли быть вынужденны, мы приказали объявить венскому двору, что мы сами при допросах присутствовали и сами можем засвидетельствовать, что они происходили в должном порядке и ни малейшего принуждения или каких-нибудь других неправильностей не было; думаем, что такое свидетельство и положительное обнадеживание может идти за достаточное доказательство. Остается недостаток письменного изобличения; но во

многих случаях виновные изобличаются и без письменных свидетельств; а с другой стороны, и письменные свидетельства не всегда бывают свободны от возражений и споров; следовательно, в письменных уликах необходимости нет, особенно в настоящем случае, когда содержание советов у Ботты и его сообщников было так опасно, что нельзя ожидать собственноручных писем от Ботты, а если бы они были, то сообщники его не могли их сохранять; также нельзя предполагать, чтоб Ботта вел переписку с своими сообщниками, когда он мог иметь с ними довольно частые свидания, да и все дело состояло только в безбожных и достойных наказания расположениях, желаниях, разговорах и советах, ибо все такие интриги были и всегда будут бессильными произвести в нашей империи прямую против нас революцию; мы считаем Ботту достойным наказания за дерзостные и возмутительные разговоры и советы против нашей особы и величества, причем он был не только участником, но и главнейшим руководителем. Нам было бы приятно, если б венский двор, прекратя всякие проволочки и сомнительные обнадеживания, дал краткий и точный ответ о своих намерениях, какого удовлетворения мы должны от него ожидать".

Но в Вене не хотели спешить таким решительным ответом и говорили Ланчинскому, что королева связана уложениями, из которых выступить не может; по делу Ботты наряжена судная комиссия, и если бы можно было предвидеть заранее, что маркиз будет обвинен, то королеве было бы очень приятно наказанием его освободиться от такого неприятного дела и удовлетворением русской императрицы получить продолжение ее дружбы: для королевы особа одного из подданных ничего не значит! Но что если бы комиссия оправдала Ботту? В здешнем уголовном праве определено, во сколько могут обвинить человека показания разыскиваемых лиц, а Ботту надобно судить по здешним, немецким правам. Он присягает, что имел дозволенные сношения только с двумя женщинами, со стариком Лопухиным более пяти или шести раз в доме его не говорил, а с молодым никогда, в доме Лилиенфельда более одного раза в год не был, а других людей, замешанных в дело, не знает. Собственное свидетельство императрицы принимается с должным уважением; но возлагается надежда на мудрое рассуждение ее величества, что преступники и в присутствии своих государей осмеливаются говорить неправду для облегчения себе наказания и что те, которых маркиз Ботта вовсе не знал, разумеется, могли сказать только неправду.

В Вене говорили, что в Париже делу Ботты радуются больше, чем выигранному сражению. Кантемир писал императрице: "Министерство здешнее вложило себе в мысль, что после открытия вредных и богомерзких умыслов маркиза Ботты здешний двор должен всеми способами искать, чтоб тем обстоятельством (от которого по меньшей мере холодности меж вашим имп. величеством и королевою венгерскою ожидают) пользоваться, и при таких обстоятельствах присутствие Шетардиево при дворе вашего имп. величества признают весьма нужным". Шетарди отправился тайком

в Россию, и Кантемир писал: "Тому его потаенному отсюда отъезду весь город со мною дивится, и всем такой его поступок кажется чрезвычайным".

Легко понять, что противоположное впечатление дело Ботты должно было произвести в Лондоне. Здесь в начале года торжествовали заключение союзного договора с Россией. Лорд Картерет говорил Нарышкину, что надобно стараться поднять в Швеции прежнее министерство. "Чрез это, - говорил он, - наша партия усилится естественными друзьями для наилучшего успеха наших желаний. Король прусский очень беспокоится, слыша о нашей дружбе с вами". Английский министр в Петербурге Вейч объявил министрам императрицы, что его король готов действовать в Швеции заодно с Россией, но должно соблюдать большую осторожность в таком деликатном деле, как предложение наследника вольным шведским чинам, чтоб не придать этим силы французской партии; надобно поступать не торопясь и прежде всего составить себе сильную партию. О браке между епископом Любским и английскою принцессою не сказал ни слова. В Англии хотели прежде всего знать, будет ли жених иметь состояние; Картерет говорил Нарышкину, что когда епископа Любского выберут в наследники шведского престола, то великий князь Петр Федорович должен ему уступить хотя часть голштинских земель, потому что как шведский наследник епископ больше пяти или шести тысяч ефимков годового содержания не получит. Нарышкин отвечал, что об этом уведомит голштинский посланник, который скоро приедет в Лондон, так как прежде назначенный в Англию Бухвальд отправился в Стокгольм. Относительно издержек в Швеции, необходимых для составления сильной партии в пользу епископа Любского, Нарышкин объявил, что Россия денег не пожалеет. Но дело шло не об одних деньгах: в Англии не понравились мирные условия, предложенные сначала русскими уполномоченными в Або; здесь желали, чтоб Россия легкими условиями достигла мира и избрания своего кандидата в наследники шведского престола и, таким образом освободившись от войны, могла вмешаться в европейские дела согласно видам Англии.

Картерет говорил Нарышкину: "Уступками вы можете достигнуть желаемого; но если вы доведете шведов до крайности своими запросами, то принудите их отдаться Дании". Нарышкин отвечал, что нельзя ожидать соединения двух народов, так страшно ненавидящих друг друга, как шведы и датчане; России же необходим Ботнический залив. Картерет продолжал: "От всего сердца желаем, чтоб ваши дела на Севере окончились поскорее; со стороны Персии и Турции вы безопасны, в Европе Россия могла бы играть важную роль, помогая королеве венгерской вместе с нами; а Франция всеми силами будет стараться, чтоб ваши дела не оканчивались". Наконец, Картерет просил Нарышкина донести императрице, что гофмаршал великого князя Брюммер переписывается с Нолькеном и эта переписка приводит в негодование друзей России и Англии; кроме того, Бухвальд обнаруживает холодность к английскому посланнику в Стокгольме, ласкает французскую партию, дает ей деньги; та деньги берет,

но действует не в его пользу. При следующих свиданиях с Нарышкиным Картерет продолжал твердить: "Лучше б вам не делать больших запросов, а заключить мир прочный; можно иметь хорошую границу и без всей Финляндии". Когда Нарышкин указывал на датские вооружения, имевшие целью поддерживать избрание кронпринца Датского в наследники шведского престола, и требовал для удержания Дании посылки английской эскадры в Балтийское море, то Картерет отвечал: "Если б Франция послала свою эскадру в Балтийское море, то мы тотчас бы велели своей за нею следовать; а Дания не страшна, ее намерения химерические; захочет ли она возобновить калмарский союз без Финляндии? Ей дорого станет кормить Швецию без этого герцогства; это было бы все равно как взять жену без приданого; притом Дании объявлено от нас, что если она нападет на Россию, то мы по союзу с последнею пошлем нашу эскадру. Мир с Швециею и избрание епископа Любского зависят от императрицы: если будет отдана вся Финляндия, то сейчас же будет избран епископ, а если по реку Кюмень, то мир будет заключен, но в наследники шведы выберут, кого хотят". Когда Нарышкин настаивал, чтоб английскому посланнику в Копенгагене посланы были указы увещевать датское правительство оставаться в покое, то Картерет отвечал с неудовольствием: "Ведь мы знаем, что надобно делать в таких случаях: наши интересы предписывают нам быть всегда с Россиею, только нам неприлично страшать Данию".

Когда Нарышкин объявил королю Георгу о заключении мира со шведами, то король с благосклоннейшим лицом отвечал: "Надеюсь, что я ничего не испортил в этом важном деле, когда присоветовал ее величеству уступить большую часть завоеванной Финляндии для истинного блага России, ибо ее величество имеет и без того довольно земли; а если бы опоздали заключить мир, то в короткое время был бы избран принц Датский". Лорд Картерет говорил: "Хотя французы вам на нас и наносят, будто мы хотели войну затягивать, но вашим министрам довольно известно, что если мы решались вашему двору в чем поперечить, то одними советами прекратить как можно скорее войну пристойными уступками. Прежде вашего проекта о наследстве шведском для голштинского принца мы прочили это наследство принцу Кассельскому; но когда узнали ваше намерение, то я не так прост был, чтоб трудиться над невозможным делом. Для вас нет ничего выгоднее, как усиливать свою торговлю дружбою с нами, потому что у вас много всякой-всячины, кроме денег; с другой стороны, для своей безопасности от турок вы должны скреплять союз с королевою венгерскою". Мы видели, что дело шло о браке епископа Любского, теперь наследного принца Шведского, на английской принцессе Луизе; но в то время как шли выборы епископа Любского и мирные переговоры в Або, Луизу просватали за наследного принца Датского, что не могло быть приятно русскому двору, особенно вследствие датских движений, грозивших Швеции и Голштинии.

У Нарышкина по этому случаю было объяснение с Картеретом, который с обычной своей бесцеремонностью говорил: "Шлюсь на всех: что может

быть лучше, как выдать принцессу Луизу за принца Датского? Он самодержавный, а у епископа Любского нет никакой земли; Россияне захочет сделать его самодержавным или полновластнее, чем нынешний король; у него самого немного денег, а Швеция большого содержания ему не даст. Если б он и другую нашу принцессу взять захотел, то надобно знать наперед, какое содержание ему будет даваться". На замечание Нарышкина, что содержание будет достаточное, Картерет возразил: "Разве вы половину будете давать, а шведы не очень богаты. Мы в датском браке ничего не ищем, кроме приличного мужа для нашей принцессы; это дело чисто семейное, мы от этого не будем ни больше любить, ни больше ненавидеть датский двор; вот он теперь просит 80000 фунтов стерлингов, а мы не намерены дать больше 40000, т. е. более нашего обыкновенного приданого... Дивлюсь я, чего вы боитесь: что вам Дания может сделать! Изволила б императрица заключить договор с королевою венгерскою да вступила с нами в союз для ее обороны: этим закрепится согласие с нами в истинную славу ее императорского величества... Я уверен, что Дания ничего не сделает против России; только претензии великого князя (Петра Федоровича) на Шлезвиг ее беспокоят, оттого и все эти шумные приготовления - все для сохранения Шлезвига: хотят побудить Швецию, чтоб она просила великого князя отказаться от своих претензий. Может быть, и Франция ее подучает".

В то время как английский министр твердил, что Россия должна помочь королеве венгерской, в Англии узнают, что на эту помощь рассчитывать нельзя вследствие Лопухинского дела; мало того что это дело дает врагам Бестужевых удобный случай низложить их, что Шетарди спешит в Россию, чтоб ускорить низвержение Бестужевых, порвать английский союз и отдать Россию в руки Франции. Вейч писал Картерету по поводу лопухинского дела: "Я вижу, что неприятели обер-гофмаршала Бестужева усиленно стараются вплести его в несчастье жены. Если они в своих происках успеют, то мне очень горько будет видеть, что императрица лишится советов чрезвычайно искусного и честного министра, Он и брат его, вице-канцлер, присоветовали императрице в начале ее царствования не принимать французской медиации в шведских делах. Обер-гофмаршалу объявлено, чтоб он остался на своем загородном дворе до окончания дела жены, а вице-канцлеру императрица продолжает по-прежнему оказывать милость, ибо весь двор хорошо знает, что он сильно противился браку обер-гофмаршала на графине Ягужинской и что этот брак произвел холодность между обоими братьями".

О стараниях погубить Бестужевых видно из письма Дальона к Амелоту от 20 августа: "Я ни на одну минуту не выпускаю из виду погубления Бестужевых. Господа Брюммер, Лесток и генерал-прокурор Трубецкой не меньше моего этим занимаются. Первый мне вчера сказал, что готов прозакладывать голову в успехе этого дела. Князь Трубецкой надеется найти что-нибудь, на чем бы мог поймать Бестужевых; он клянется, что если ему это удастся, то уже он доведет дело до того, что они понесут на

эшафот свои головы". Не в одном Петербурге, и в Стокгольме усердно трудились над погибелью Бестужевых. Картерет писал Вейчу: "Французы теперь в Стокгольме стараются достать фальшивые экстракты из допросов Гилленштерна на последнем сейме и прибавить к ним такие вещи, которые должны повредить господину Бестужеву. Так как они хотят эти фальшивые документы переслать императрице, то вы уведомьте об этом тамошнее министерство и употребите все средства для открытия такого наглого и ужасного обмана. Отправленные в Петербург шведские депутаты получили инструкцию: сначала разными лестными предложениями склонять Бестужевых к французской стороне; если же увидят, что успеть в этом нельзя, то употреблять всякие интриги и раздать до 100000 рублей, которые Франция заплатит, чтоб подкопать кредит Бестужевых".

Но Бестужевых сломить было трудно. Из лопухинского дела враги их не могли извлечь ничего, что бы могло набросить хоть тень сомнения не только на вице-канцлера, но и на обер-гофмаршала. Императрица была убеждена в невинности и верной службе обоих братьев; Разумовский и Воронцов были за них; за них был и самый видный из архиереев, новгородский архиепископ Амвросий Юшкевич, успевший приобрести значительный вес при дворе набожной Елисаветы. Когда увидели, что из лопухинского дела Бестужевы выходят чисты, то Лесток начал внушать императрице, что если жена обер-гофмаршала будет наказана, то мужа ее и его брата необходимо будет переместить на такие должности, где бы они не имели возможности отмстить. Елисавета возразила, что она знает верность и привязанность к себе обоих братьев, да и другие люди убеждены в том же относительно их. Последние слова взорвали Лестока, и он решился сказать, что он знает только одного человека, который защищает Бестужевых, - это именно Воронцов; но Воронцов по молодости своей не в состоянии судить об этом деле, и потому на его свидетельства нельзя полагаться. Елисавета передала об этой выходке Воронцову, а тот - Бестужеву. Лесток не унялся и несколько раз подступал к императрице с своими внушениями против Бестужевых, но всякий раз Елисавета выпроваживала его.

Защищаемый от Лестока Разумовским и Воронцовым, вице-канцлер нашел средство собственной защиты и нападения на врагов во вскрытии и переводе с цифирного языка депеш иностранных министров и получаемых ими от своих дворов рескриптов - средство, разумеется, не придуманное самим Бестужевым, но заимствованное от западных соседей. Почт-директор Аш и академик Тауберт трудились над дешифровкой депеш; вице-канцлер извлекал нужные ему места, снабжал их своими примечаниями и подносил императрице. Разумеется, главное внимание его было обращено кроме депеш Дальона на депеши Мардефельда, потому что он сильно подозревал Пруссию во враждебных замыслах против России, и на депеши Нейгауза посла императора Карла VII, императора милостью Франции и Пруссии и потому тесно связанного с этими обеими державами. Вскрыта и прочтена была депеша Нейгауза, в которой он писал императору

по поводу лопухинского дела, что обер-гофмаршал Бестужев может быть удален от двора, тогда как он по уму своему управляет всеми поступками брата вице-канцлера. На это последний заметил: "Вице-канцлер, не выдав брата своего 22 года, от 1720 по 1742, собственным своим умом министерство свое управлял". Нейгауз доносил своему двору, что вице-канцлер совершенно предан Австрии и Англии. Бестужев замечает: "Сие злоумышленное внушение Нейгаузу учинено весьма уповательно от подобно такого, который не устрашится дерзнуть и у самой ее и. в-ства против своего знания и совести оклеветать, якобы он, вице-канцлер, от королевы венгерской подкуплен. Всеведущему единому все откровенно, какие и более оклеветания учинены и еще продолжаются. Оный да буди вскоре судьей и воздателем всякому по делам его".

В октябре Нейгауз давал знать своему двору, что Мардефельд получил от своего короля повторительные указы объявить русским министрам, как было бы прискорбно Фридриху II, если б Россия продолжала отвергать все способы для установления доброго согласия между нею и императором Карлом. На это Бестужев заметил: "Прусский двор всеми удобь вымышленными способами старается, чтоб российско-императорский с римско-императорским двором соединить, дабы чрез оное российско-императорский двор у древних союзников в подозрение, а наконец и в несогласие привести и оным в тайных своих предвосприятиях пользоваться". В каких тайных предвосприятиях Бестужев подозревал Пруссию, видно из письма его к барону Черкасову от 30 апреля 1743 года: "От стороны турецкой можно быть спокойным, а ежели Франция намерена какую в России впредь диверсию учинить, не было бы то учинено королем прусским, на которого подлинно надлежит смотреть недреманным оком... Он может подкупить курляндское шляхетство, чтоб выбрали герцогом брата его; а если прусский король в шведскую войну не вмешается, то Дания вместе и с Франциею не опасны".

Из депеш Нейгауза открылось, что его поддерживали Брюммер и Лесток, из которых последний пересказывал ему отзывы императрицы о его действиях. Бестужев заметил по этому поводу: "Вместо того что было надлежало о всем том, что Нейгаузен Лестоку и Брюммеру открыл, верно ее и. в-ству донести, а они напротив того, против своей совести, что от ее и. в-ства ни слышали, ему, Нейгаузену, и другим иностранным министрам сообщали".

Но Бестужеву очень трудно было бороться с Фридрихом II, который умел пользоваться случаем для приобретения расположения императрицы. Как только в Берлине получено было известие о вскрытии лопухинского дела, Фридрих писал своему министру Подевилеусу: "Надобно воспользоваться благоприятным случаем; я не пощажу денег, чтоб теперь привлечь Россию на свою сторону, иметь ее в своем распоряжении; теперь настоящее для этого время, или мы не успеем в этом никогда. Вот почему нам нужно очистить себе дорогу сокрушением Бестужева и всех тех, которые могли

бы нам помешать, ибо когда мы хорошо уцепимся в Петербурге, то будем в состоянии громко говорить в Европе".

От Фридриха пошли в Петербург добрые советы, из которых императрица могла видеть все искреннее участие прусского короля к ее особе: Фридрих советовал заслать подальше Ивана Антоновича со всем его семейством, удивлялся медленности и нерадению, с каким поступают в таком важном деле; советовал, что если Елисавета хочет иметь наследника престола великого князя Петра в своих руках, то б не женила его на принцессе из могущественного дома, а, напротив, из маленького немецкого дома, который обязан будет императрице своим счастьем. Так как Ботта после Бреславского мира переведен был своим двором из Петербурга в Берлин, то Фридрих по поводу лопухинского дела потребовал от Марии Терезии, чтоб она отозвала Ботту и от прусского двора. Этот поступок был представлен Мардефельдом в Петербурге как доказательство самого сильного сочувствия его короля к Елисавете, и та была очень довольна. Если верить донесениям Мардефельда, она торжественно за столом сказала, что прусский король - наисовершеннейший монарх в свете. Мардефельд догадывался, что его депеши прочитываются, и страшно сердился, забывая, что Бестужев в этом отношении брал себе за образец "наисовершеннейшего монарха в свете". Он писал к своему двору: "Все выходящие из здешней империи письма продолжают вскрывать. Надеюсь, что те, которые в моих письмах нюхают, со временем сами носом в грязь попадут. Я бы этому только смеялся, если бы плуты не причитали мне то, что читают в письмах членов своей шайки. Я не драчлив и не задорлив, но со временем, удостоверившись, кто этим промышляет, проколю каналью шпагою".

Наконец враги Бестужевых были обрадованы приездом могущественного союзника - Шетарди. Мардефельд писал своему двору 29 ноября: "Шетарди непременно преодолет всех своих политических соперников и оставит их с длинным носом. Он у меня обедал и нынешним вечером будет ужинать". Императрица приняла очень хорошо своего старого знакомого и приятного собеседника, хотя приняла его как простого дворянина, ибо, не привезши грамот от короля с императорским титулом для Елисаветы, он, как тогда выражались, должен был остаться *бесхарактерным*, т. е. не мог получить значения как посланник. Скоро после его приезда императрица послала ему розгу, велевши сказать, что он должен быть наказан, как маленький ребенок, за неосторожную игру с порохом. Шетарди действительно перевязал себе руку, объявляя, что обжег ее порохом. Но все знали, что рука болела у него не от пороха. Никто не был так взбешен приездом Шетарди, как Дальон, потому что видел в нем человека, который оттеснит его на задний план, порвет начатую им работу и в случае успеха выставит одного себя его виновником. Дальон не мог сдерживать своей досады и, явившись к Шетарди, начал делать ему выговоры, зачем он возвратился в Россию, где его весь народ ненавидит; Воронцов пересказал Бестужевым все, что он, Шетарди, говорил об них дурного, потому он не

может надеяться никакого успеха, и он, Дальон, один может здесь служить с пользой для Франции. Шетарди вспылал и с своей стороны начал попрекать Дальона не очень честными делами. Дальон крикнул в ответ, что Шетарди - каналья; Шетарди дал ему пощечину, Дальон бросился на него с обнаженной шпагой, Шетарди схватил ее, чтоб удержать удар, и обрезал себе руку; прибежали слуги и развели борцов; но рука долго не заживала у маркиза.

Эта история, впрочем, нисколько не отняла у Шетарди возможности действовать заодно с Брюммером, Лестоком и Мардефельдом против Бестужевых. Но и вице-канцлер принимал свои меры. 23 декабря во время доклада вице-канцлер подал императрице просьбу:

"От самого почти начала даже до сего времени обретаясь при вашего имп. в-ства все милостивейше поверенных мне делах, принужден от неприятелей моих, не знаю, по какой-либо злобе или с зависти, претерпевать мерзкие нарекания и разные богу противные оклеветания, иногда якобы я закуплен был от Австрии, иногда от Англии подкуплен, а иногда, смотря по обстоятельствам, вашему интересу противным, то и от датчан. Однако ж те же мои неприятели должны и принуждены по совести своей сами признавать, что при божеском благословении еще до сего времени как в европейских, так и в азиатских мне поверенных делах ничего нигде нимало не упущено или бы пренебрежено было... Дерзновение взял к вашим монаршеским стопам себя повергнуть всеподданнейше, прося от таких оклеветаний, что и в бывшую богомерзкую конспирацию меня приплетают, монаршескою своею властью оборонить, повелеть о том исследовать, от кого в какое время и какие о мне произведены ни были... И по таким злоумышленным внушениям ежели ваше имп. в-ство какое обо мне сомнение или недоверенность возыметь соизволите, то какого успеха в делах можно ожидать, ибо я не токмо в превеликую оттого робость приведен буду, но и все от чистого моего сердца произносительные труды и усердствования весьма отвергнуты и в ничто превращены будут".
Просьба была подана для вызова уверений, что никакого сомнения и недоверенности возыметь не будет соизволено. Уверения, конечно, были даны, потому что Бестужев остался в прежнем значении. Бестужев оставался теперь один, потому что брат его, обер-гофмаршал, вследствие дела жены должен был на время оставить двор и Россию; но он отправился за границу с дипломатическим поручением, отправился в Берлин, самый важный пост, где мог всего успешнее своими наблюдениями охранять интересы России и свои собственные.

И русские министры, и послы иностранные с надеждою и страхом ехали в Москву, где императрица намерена была прожить 1744 год. В древней столице должен был решиться вопрос, кто победит - Шетарди или Бестужев, - вопрос, занимавший всю Европу.